

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
18**

**МОСКВА
2017**

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),

д.и.н. О.А. Плотникова,

к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,

к.и.н., доц. О.И. Елисеева,

к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),

д.и.н., проф. С.В. Алексеев,

д.и.н. А.П. Богданов,

д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,

д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,

д.и.н., проф. С.И. Реснянский,

д.и.н. А.Б. Ручкин

Историческое обозрение. Вып. 18. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”»; Изд-во НИБ, 2017. — 70 с.

Восемнадцатый выпуск ежегодного альманаха включает статьи и эссе, посвященные различным проблемам отечественной и всеобщей истории, истории культуры, в том числе публикацию некоторых докладов на научной конференции «Карамзинская традиция в русской истории», состоявшейся в декабре 2016 г.

© Авторы статей, 2017

Издательство Национального института бизнеса

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6

Подписано в печать 11.08.2017. Тираж 100 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алексеев С.В. Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы: постановка задачи и подходы	4
Алексеев С.В., Плотникова О.А. Отражение эпоса и преданий в ранней славянской книжности: историографический обзор	13
Соловьев К.А. Проект политической реформы А.А. Половцова	20
Экштут С.А. Прирожденный дар разведчика...	26
Ручкин А.Б. Создание антикоммунистического фронта русской эмиграции как проект американских спецслужб в начальный период холодной войны	34
 <i>ИЗ МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КАРАМЗИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИИ», ДЕКАБРЬ 2016</i>	
Алексеев С.В. Н.М. Карамзин и Древняя Русь	50
Володихин Д.М. «Друг царей, верноподанный России»: Похвала гению Н.М. Карамзина	53
 <i>ЛЕКТОРИЙ</i>	
Плотникова О.А. Елена Глинская: у кормила власти	59
 <i>РЕЦЕНЗИИ</i>	
Елисеев Г.А. Комплексное издание главных источников сербской историографии XIII–XVII вв.	64
Сведения об авторах и аннотации статей	67
Правила представления рукописей авторами	69

**УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ И МОТИВОВ
УСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКАХ СЛАВЯНО-
ЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И ПОДХОДЫ¹**

Тематика, связанная с исследованиями устной традиции, «устной истории», взаимодействия устной традиции и книжности, активно разрабатывается и дискутируется в современной отечественной и мировой науке. Из средневековых литератур Европы традиционно привлекали внимание исследователей следы фольклора в книжности германских и кельтских народов. Связано это было с обширным массивом информации по языческой мифологии и культуре. Массив этот сложился в результате ранней записи целого ряда архаических жанров при сохранении их жанрового облика. Оказались в весьма достоверно выглядящей форме зафиксированы мифы, эпические песни, историко-генеалогические предания Северной Европы. Уникальная в средневековом литературном процессе ситуация явилась следствием сочетания в Исландии, Ирландии и Уэльсе ряда историко-культурных факторов. Ключевым стало длительное сохранение социальной и культурной архаики в сочетании с развитой письменной культурой, пришедшей вместе с христианством.

В других регионах германского и кельтского миров такого сочетания не было. Это, в свою очередь, повлекло уже в новое время научные ошибки, проистекавшие из чрезмерного энтузиазма столкнувшихся с уникальным явлением и романтически настроенных ученых. Наиболее характерной являлась иллюзия идеальной сохранности языческой мифологической традиции в ее подлинном, часто воспринимавшемся еще и как безвариантный, виде. Зачастую не учитывались ни «текучесть» самой устной традиции, ни книжные влияния в рамках литературного процесса. Далее, критика уже этого подхода повлекла гиперкритику в адрес поисков архаического устного наследия в средневековой литературе вообще. Начавшись и успев устареть в западной, к началу XXI века тенденция захватила и отечественную науку.

В славянских странах, хотя книжность у южных и восточных славян, как и в Северной Европе, развивалась на родном языке, языке фольклора, аналогичной ситуации нигде не сложилось. Даже в наиболее архаичных по социально-культурному укладу регионах славянского мира жанровые формы устного происхождения воспроизводились ограниченно. Определенным исключением являлся лишь сербский жанр родового предания, «родослов», но он окончательно закрепился в литературе только в XIV в. Примеры средневекового письменного эпоса единичны, записи языческих мифов как таковые практически неизвестны. Повествовательная литература общности *Slavia Orthodoxa* строилась на книжных образцах, воспринятых из Византии. Элементы устной традиции вбирались в летописи, житийные памятники, апокрифы, учительные труды, но не образовывали отдельных жанровых комплексов. Миф, эпическое сказание, родовое предание перерабатывались в историческое повествование христианского автора, встраивались в его видение прошлого. С этим связана сложность и жанрового их разграничения в славяноязычных средневековых литературах. Подобные явления на западе (в том числе и в Скандинавии, и у западных славян) имели место в латиноязычной книжности. Но в случае со славянской традицией мы почти не имеем «проверочного»

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы»).

материала — который, к примеру, помог бы отмежевать эвгемеризированный миф от «исторического» предания.

В свете этих сложностей проблема методики выявления элементов устной традиции встает особенно остро. Одним из приемлемых путей является выявление стилистических и лексических признаков устного происхождения письменного текста (например, следов эпического стиха). Другим, не менее важным, и на первый взгляд более заметным признаком использования устной традиции являются ее конструирующие элементы — сюжеты и мотивы. Этот давно опробованный и признанный путь, однако, имеет свои исследовательские ловушки. Как уже упоминалось, литературный процесс средневековья был невозможен вне влияния более древних книжных традиций. Между тем, такое влияние включало в себя и распространение «бродячих» сюжетов, в том числе фольклорных по происхождению. Разграничение местного устного наследия от сюжетов такого рода представляет важную исследовательскую задачу — не всегда решаемую в принципе. В то же время, когда речь идет как о собственно фольклорных, так и о «бродячих» сюжетах и мотивах, следует помнить о возможности совпадений «сюжета» с реальностью. Расхожесть какого-либо мотива не означает его вымышленности. Реальность, описываемая в повествовательном памятнике, могла вполне ему соответствовать. Так, «стереотипные» образы житийной литературы отражают стереотипы поведения людей, с этой литературой знакомых и принимавших описанные в ней деяния за образец в реальной жизни.

Нами совместно с О.А. Плотниковой предпринято исследование, посвященное отражению устной историко-эпической традиции в древнейших памятниках славяноязычной литературы. В качестве объекта исследования мы избрали ограниченный по языку и во времени корпус памятников. Во-первых, это литературные памятники наиболее раннего периода существования славянской книжности — IX–XII вв. Во-вторых, это именно памятники славяноязычных литератур — старославянской, церковнославянской, древнерусской (в том числе сохранившиеся в переводах на другие языки). Такое ограничение, как представляется, позволит четче представить наиболее продуктивный этап восприятия устной традиции в славянской книжности.

В рамках исследования нам представляется необходимым создание обобщенного указателя сюжетов и мотивов, восходящих к устной традиции, в древнейших памятниках древнерусской и южнославянской литературы. Предполагается составить такой указатель на материале исследуемых памятников. В указатель будут включены повторяющиеся сюжеты и сюжетобразующие мотивы повествований о ранней истории, сгруппированные по тематическому принципу. В случае выявления в ходе исследования достаточно высокого уровня единообразия исследуемых сюжетных единиц возможно создание на основе указателя базы данных сюжетов и мотивов. Публикация указателя предоставит в распоряжение исследователей полезный для дальнейших научных разработок массив данных.

Составление фольклорных указателей — давняя научная традиция. Исследовательский опыт включает такие классические образцы, как указатель международных сказочных сюжетов (типов) Аарне — Томпсона — Утера (Uther, 2004), указатель сюжетов восточнославянских сказок (Сравнительный указатель, 1979). С середины XX века в практике фольклорной классификации наметился тренд к выделению в первую очередь не типов (сюжетов), воплощенных в целых произведениях, а сюжетобразующих мотивов. Последние определяются как структурные элементы, которые встречаются в различных произведениях, могут быть тождественны типу или входить в него. Обращение к мотивам позволило шире охватить разножанровые памятники, оказалось продуктивно для исследований в области сравнительной фольклористики и сравнительной мифологии. Позволяя провести более «глубинную» реконструкцию генезиса

тех или иных произведений, классификация по мотивам полезна и для междисциплинарных историко-филологических работ. Классическим является указатель мотивов мирового фольклора С. Томпсона (Thompson, 1966). Принципиально новый, охватывающий более широкий материал и регулярно обновляемый, указатель мотивов мирового фольклора создал Ю.Е. Березкин (Березкин: Эл. ресурс). Мотив определяется им шире, чем у Томпсона, включая и большинство типов системы Аарне. Такой подход представляется оправданным. Он позволяет четче отделить сюжетобразующие единицы-мотивы от сюжета зафиксированного произведения.

Ряд указателей сюжетов и мотивов славянского в целом и восточнославянского эпоса составлен Ю.И. Смирновым (Смирнов, 1974: 50–77, 113–143; Смирнов, 1988; Смирнов, 2010). Имеются опыты составления указателей сюжетов и мотивов восточнославянской сказочной прозы, иногда приуроченные к локальным фольклорным традициям: преданий (Соколова, 1970: 275–287; Криничная, 1991: 278–294), мифологических рассказов (Померанцева, 1975: 167–191; Зиновьев, 1985; Народная демонология, 2010–2016). В связи с изучением славянской мифологии следует назвать также указатели сюжетов и мотивов славянских заговоров (Кляус, 1997; Агапкина, Топорков, 2014).

Помимо того, что названные указатели сюжетов и мотивов являются ценнейшим научным опытом, для целей нашего исследования они могут использоваться и напрямую. Выявленные и учтенные в них фольклорные (мифологические, эпические, сказочные) сюжеты и мотивы воспроизводятся в письменных памятниках, и, конечно, будут нами учитываться.

Принципы построения указателя можно сформулировать следующим образом. На первом этапе исследования в рамках изучаемых памятников выделяются сюжетные блоки информации, имеющей с высокой долей вероятности устное происхождение. После выделения сюжетов повествовательной литературы, связанных или предположительно связанных с устной традицией, они каталогизируются. Далее и внутри выявленных сюжетов, и в текстах исследуемых памятников, вычленяются устойчивые фольклорные мотивы. Их каталогизация позволит провести группировку корпуса сюжетов по принципу родства и типологической близости.

Финальная структура указателя мыслится следующей. В качестве «нулевой» части указателя в отдельную группу выделяются мифологические мотивы (космологические, явные языческие теогонические). В ранней славянской литературе они крайне редки. Первую часть указателя составит перечень историко-эпических сюжетов, сохранившихся в рамках произведений славяноязычной повествовательной литературы средневековья. Предпочтительной является группировка сюжетов по этническим традициям. При наличии общих сюжетов последние выделяются особо. Определяющими при внесении сюжетов в указатель являются следующие критерии: наличие мотивов, включенных во вторую часть указателя; наличие языковых и стилистических элементов фольклорного происхождения; явная непринадлежность к сюжетам литературно-исторического происхождения. При наличии исторической основы, недвусмысленно известной по синхронным источникам, таковая указывается с отсылкой к ним. Не включаются сюжеты, заведомо относящиеся к разряду устных рассказов о современных событиях (но фольклорные мотивы из них могут включаться во вторую часть). Вторую часть составит аналитический каталог мотивов, с отсылками к первой части и к тем памятникам, в которых фольклорные мотивы превратились в элемент повествования о современных событиях.

Список привлекаемых памятников
(с указанием используемых публикаций)¹

Древнейшие славянские жития

1. Житие святого Кирилла (Лавров, 1930: 1–39)
2. Житие святого Мефодия (Успенский сборник, 1971: 188–198)

Чешские славяноязычные памятники IX–XI вв.

1. Житие святой Людмилы (Сказания, 1970: 107–108)
2. Житие святого Вячеслава (Сказания, 1970: 36–39, 71–86)
3. Житие святого Прокопа² (Chaloupecký, Ryba, 1953)
4. Житие Ивана Пустынника (Documenta, 1877: 377–378)

Болгарские памятники IX–XI/XII вв.

1. Житие святого Наума (Иванов, 1970а: 306–307)
2. Чудо святого Георгия о болгарине (Иванов, 1935: 213–215)
3. *Иеремия*. Повесть о крестном древе (Соколов, 1888: 73–211)
4. Болгарские жития святых Кирилла и Мефодия (Иванов, 1970а: 284–290)
5. Житие святого Иоанна Рильского (Иванов, 1936: 28–37)
6. Житие святого Климента Охридского³ (Гръцки извори, 1994: 10–41)
7. Болгарская апокрифическая летопись (Тъпкова-Заимова, Милтенова, 1996: 195–198)
8. Солунская легенда (Иванов, 1970а: 282–283)
9. Видение и Толкование Даниила (Тъпкова-Заимова, Милтенова, 1996: 118–127)
10. Сказание Исаии (Тъпкова-Заимова, Милтенова, 1996: 150–154)
11. Откровение Мефодия Патарского (Тъпкова-Заимова, Милтенова, 1996: 169–173)
12. Слово Ипполита Римского и Ипатия Эфесского (Тъпкова-Заимова, Милтенова, 1996: 187, 190)
13. Видение Исаии (Иванов, 1970б: 134–149)
14. Енох (Иванов, 1970б: 167–180)

---

¹ Включает все памятники славяноязычной повествовательной литературы, анализируемые в ходе исследования. Список рабочий и не подразумевает наличия искомых элементов в каждом включенном памятнике. Принцип включения: все повествовательные памятники соответствующей датировки, кроме носящих более церковно-риторический характер («Слово о письменах» Храбра, «На ересь Богумила» Козьмы Пресвитера, «Слово о Законе и Благодати» Илариона), являющихся переложением иноязычных текстов (Шестоднев Иоанна Экзарха, богословские сочинения Климента Охридского), повествований об иностранных событиях («Историкии» Константина Пресвитера, русские тексты о св. Николае Мирликийском), автобиографической прозы («Поучение» Владимира Мономаха, «Хожение» Даниила). Не включен «Именник болгарских князей» — как перевод с греческого и памятник тюрко-болгарской, а не славянской традиции. В сербскую часть включены житийно-исторические памятники начала XIII в., вследствие более позднего развития сербской литературной традиции. Памятники расположены по хронологии создания, точно недатируемые — по жанровой принадлежности (исторические и агиографические сочинения, затем в болгарской части историко-апокалиптические, затем поучения и апокрифы на библейские сюжеты).

² Сохранилось в латинских версиях XII–XIV вв.

³ Сохранилось в греческом переложении Феофилакта Болгарского XII в.

15. Откровение Варуха (Иванов, 1970б: 192–200)
16. Адам и Ева (Иванов, 1970б: 207–218)
17. Детство Иисуса (Иванов, 1970б: 230–238)
18. Прение Христа с дьяволом (Иванов, 1970б: 249–253)
19. Тивериадское море (Иванов, 1970б: 289–294)
20. Легенда о сотворении мира (Иванов, 1970б: 311–316, 321–323)

Русские памятники X–XI/XII вв.

1. *Иаков Мних*. Память и похвала Владимиру (Милютенко, 2008: 417–426, 498–500)
2. Сказание о Борисе и Глебе (Святые князья-мученики, 2006: 287–313)
3. Начальный летописный свод (ПСРЛ, 2000: 103–201, 431–445, 511–558)
4. *Нестор*. Чтение о Борисе и Глебе (Святые князья-мученики, 2006: 356–399)
5. *Нестор*. Житие Феодосия Печерского (Памятники, 1978: 304–391)
6. *Нестор, Сильвестр*. Повесть временных лет (ПСРЛ, 1997: 1–286; ПСРЛ, 1998: 1–264; ПСРЛ, 1989: 11–103)
7. Сказание о чудесах Бориса и Глеба (Святые князья-мученики, 2006: 318–341)
8. Слово о посте к невежам (Гальковский, 2000: 14–16)
9. Слово об идолах (Гальковский, 2000: 22–25, 33–35)
10. Статья о вдуновении духа (Гальковский, 2000: 97–98)
11. Толковая Палея (Палея, 1892–1896)

Сербские памятники XII–XIII вв.

1. Летопись попа Дуклянина¹ (Gesta, 2009)
2. *св. Сава Сербский*. Житие святого Симеона (Списи, 1928: 151–175)
3. *Стефан Первовенчанний*. Житие святого Симеона (Јовановић, 2012)

Образцы статей указателя²

Раздел 0. Мифологические мотивы

0.1. Род «сидя на небесах, мечет на землю груды, и оттого рождаются дети» (Рус10)

Ср. Березкин Е5С

Ср. 0.2.2

0.2. Сотворение человека двумя антагонистами, земным и небесным (= Березкин Е5С, Н42, Н43, Н44)

0.2.1. Бог творит тело человека и отлучается, дьявол «истыкает» человека, делая его смертным (Болг19)

0.2.2. Бог моется в бане, сбрасывает на землю «ветошь», которой отерся. Спорит с «сатаной», «дьяволом» (божеством «бездны»), кто из нее сотворит человека. Бог тво-

¹ Сохранилась в латинском переводе или переложении XIII (?) в.

² Нумерация статей-образцов дана для целей настоящей статьи. Итоговая нумерация статей указателя будет сформирована по итогам исследования. Употребляемые сокращения — отсылки к источникам из Списка. Статьи в настоящее время даются в примерном, а не в окончательном виде. Так, число мотивов при сюжетах из Раздела I определено будет увеличиваться. Выборка на данный момент носит в какой-то степени случайный характер — отобран ряд сюжетов и мотивов, являющихся объектами нашего изучения на время написания статьи. Так, мотиву «Обретения земли» планируется посвятить отдельную статью.

рит душу, дьявол — тело. Тело после смерти идет в землю, а душа к богу (Рус3; то же Рус6)

Ср. 0.1

0.3. Дети Сварога (Солнце и Огонь — братья).

0.3.1. Солнце (Дажьбог): «Солнце-царь сын Сварогов, то есть Дажьбог» (гlossa в переводе фрагмента из «Хроники» Иоанна Малалы; Сварог ассоциируется с огнем и отождествлен с Гефестом) (Рус. в Ипатьевской летописи — ПСРЛ-2 279)

0.3.2. Огонь: «Сварожич» (Рус9)

Раздел I. Историко-эпические сюжеты

I.1 (Болг, Рус, Серб)

Приход болгар с востока и освоение ими Болгарии

[Историческая основа: завоевание кочевыми болгарами Подунавья в 680 г. (источники: Никифор «Бревиарий»; Феофан «Хронография»; «Именник болгарских князей»)]

I.1.1. Болгары приходят из степей, они кочевники (куманы или хазары) (Болг7; Рус6)

I.1.2. Болгары воюют с греками (Болг7; Серб1)

I.1.3. Болгары подчиняют славян (Рус6)

I.1.4. Болгары (или «белые угры») подчиняют или прогоняют волохов (черных влахов, «эфиопов») (Болг7; Рус6; Серб1)

I.1.5. Болгары занимают пустую землю (Болг7)

I.1.6. Болгары — славяне и союзники других славян (Серб1)

Мотивы: П.1, П.2

I.2 (Рус)

Поход Олега на Константинополь (Рус3; Рус6)

Мотивы: П.3, П.4

Раздел II. Фольклорные мотивы

II.1. «Обретение земли»: герой-родоначальник либо исторический предок приводит народ (или войско) в страну пустующую, занятую враждебным народом или узурпаторами власти; освобождает страну, устанавливает законы, определяет границы, становится предком следующих правителей. Ситуация повторяется циклически.

Болг:

1) Исаия приводит болгар в «запустевшую» после ухода «эллинов» и в то же время населенную «эфиопами» «землю Карвунскую» и ставит им царем Слава, который «населил земли и хоры». Затем его преемник Испор «создал грады великие», «населил всю землю Карвунскую», вытеснив «эфиопов». Болгары воюют с «измаильтянами» и греками (Болг7).

2) После разорения Болгарии «исполинами» царь «Селевкия» спускается с гор, принимает царство и строит города (Болг7).

3) После несправедного царя Симеона Премудрого царь «от иного чресла» Василий «погубил все земли враждебные и языки поганые, как какой-нибудь храбрый муж», подчинив и Болгарию (Болг7).

Рус:

1) Славяне, изгнанные волохами с Дуная, «расходятся по земле», оседая в различных областях и «называясь своими именами» (Рус6)

1а) Радимичи приходят из «Ляхов» и оседают на Днепре (Рус3). Братья Радим и Вятко приходят из «Ляхов» и садятся с «родами» своими соответственно по Сожу и Оке; отсюда радимичи и вятичи (Рус6).

{¹2) Олег с Игорем прибывают в Киев, где правят Аскольд и Дир, люди «не княжеского рода». Аскольда и Диру коварно убивают; Олег и Игорь начали «грады ставить и дани устанавливать», объединяют варягов и славян в единую «русь», назначают дань варягам с северных племен (Рус3). Олег провозглашает Киев «матерью городов русских» (Рус6).

3) Ольга после смерти Игоря мстит древлянам, завоевывает их страну, назначает дань, после этого идет по Руси, устанавливая «уроки и погосты» (Рус3, Рус6)

4) Владимир, победив и убив Ярополка, высылает жаждущих наживы варягов, устанавливает культ языческих богов (Рус3, то же Рус6)

5) Ярослав побеждает братоубийцу Святополка, вознаграждает воинов, устанавливает законы для Новгорода (Рус3; ср. в Новгородской I летописи старшего извода)

Серб:

1) «Готы» под предводительством Остроила вторгаются в Далмацию. Остроило побеждает греков. Он и его сын устанавливают границы страны (Серб1)

2) Павломир Белло, вернувшись с большими силами из изгнания в Риме, возвращает себе королевство предков, разгромив и подчинив завладевших им банов и жупанов. Он восстанавливает города, объединяет славян и латинов (Серб1)

3) Король Доброслав, сбросив владычество греков, возвращает себе королевство предков и совершает великие завоевания (Серб1)

4) Стефан Неманя возвращает себе «погибшую дедину», разгромив греков и объединив сербские земли (Серб2, Серб3)

Ср. Чеш (лат.): *Cosm. Prag. I.2*

(ср.: Thompson A530, A545, A546; Криничная A2в, A2г, B4)

II.2. Кочевники подчиняют себе славян и творят насилия

{Болг:

Предсказывается завоевание Греции и Болгарии печенегами, «насильниками и обманщиками... неверными беззаконниками» (Болг7)}

Рус:

1) Различные племена, в основном кочевые, подчиняют себе поочередно дунайских словен, оседают среди них и чинят насилие: волохи, болгары, белые и черные угры (Рус6)

2) Обры подчиняют славян-дулебов и угнетают их (Рус6)

II.2.1. Обры запрягают жен дулебов:

Обры отказываются ехать куда-либо, если в их возы не будут запряжены женщины дулебов, которым они «творят насилие»; «так мучили дулебов» (Рус6)

3) Хазары принуждают славянские племена платить дань (Рус3, Рус6)

II.3. Ладьи на колесах

Рус:

Олег под Константинополем ставит ладьи на колеса и под парусами идет к городу. Греки, устранившись, соглашаются платить дань (Рус3, то же Рус6).

(Заимств.? — ср. сканд.: *Sax. Gram. IX.4.21*)

---

¹ В фигурные скобки заключаются те примеры, которые дают лишь частичное соответствие мотиву.

II.4. Вещий человек чувствует опасность

Рус:

Олег отказывается принимать от греков отравленную пищу. Греки принимают его за св. Димитрия, соплеменники признают вещим (Рус3, то же Рус6).

(Ср. Зиновьев ГП 27; Криничная О-10, Р-1; Народная демонология 5-5)

II.5. Наказание за несвоевременную работу

(= Зиновьев Ж 1г; Народная демонология 35-Б-1)

Рус:

Святые Николай, Борис и Глеб (или только Борис и Глеб) являются рабыне, работающей в день св. Николая, запрещают ей работать, когда она не послушалась, разрушили ее «храмину» и «сотворили как бы мертвой». Позже она исцеляется святыми Борисом и Глебом и вдобавок обретает свободу (Рус4, Рус7)

Выражаю благодарность О.А. Плотниковой за сотрудничество в ходе исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Восточнославянские заговоры: материалы к аннотированному указателю сюжетов и мотивов. М., 2014.

Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог // [Эл. ресурс.] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. М., 2000.

Гръцки извори за българската история. Т. IX. Ч. 2. София, 1994.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985.

Иванов Й. Старобългарски разкази. София, 1935.

Иванов Й. Жития на св. Иван Рилски с уводни бележки // Годишник на историко-филологически факултет на Софийски университет. Кн. XXXII. Т. 13. София, 1936.

Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970.

Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970.

Јовановић Т. Житије светог Симеона Стефана Првовенчаног према препису средине XV века // Археографски прилози. 33 (2011—2012). Београд, 2012. С. 103—191.

Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.

Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 2008.

Народная демонология Полесья / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. Т. I—III. М., 2010—2016.

Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Вып. 1—2. М., 1892—1896.

Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII в. М., 1978.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

ПСРЛ = Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

- ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Святые князья-мученики Борис и Глеб: исследование и тексты / изд. подг. Н. И. Милютенко. СПб., 2006.
- Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.
- Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции. М., 1974.
- Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы. М., 1988.
- Смирнов Ю.И. Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.
- Соколов М.И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М., 1888.
- Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.
- Списи св. Саве. Београд; Сремски Карловци, 1928
- Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.
- Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.
- Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Chaloupecký V., Ryba B. Středověké legendy prokopské: jejich historický rozbor a texty. Praha, 1953.
- Documenta historiae Chroaticae periodum antiquam illustranta. Zagrabiae, 1877.
- Gesta Regum Slavorum. Т. 1. Београд, 2009.
- Thompson S. Motif-index of folk-literature. Vol. 1–4. London, 1966.
- Uther H.-J. The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. P. I—III. Helsinki, 2004.

**ОТРАЖЕНИЕ ЭПОСА И ПРЕДАНИЙ
В РАННЕЙ СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР¹**

Древнеславянское устное народное творчество уходит корнями вглубь веков. Для всего праславянского мира была характерна общность фольклорных жанров, а в некоторых случаях мотивов, сюжетов и поэтических средств. Долгое время размеренно развиваясь по своим собственным правилам, фольклор в своем поступательном и размеренном движении натолкнулся на «плотину» книжности, выстроенную умелыми мастерами Кириллом и Мефодием. Конечно, фольклор, будучи полноводен, не разбился о нее, но стал искать обходные пути для дальнейшего течения. Развитие словесности в каждой из славянских стран, принявших христианство, шло своим особенным путем, однако в каждой из стран-новобранцев на первых этапах книжность вступила в противоречие с фольклором. В первую очередь, такая ситуация была вызвана конфликтом культур — языческой и христианской. Крестившись, славяне получили не только нового Бога, но и совершенно иную систему культурных ценностей.

Некоторые жанры славянского фольклора оказались восприимчивы к общественным изменениям. В первую очередь, это касается прозаических жанров (сказки, анекдота) и лирических жанров. К ним примыкают шуточные песни, пословицы, легенды и былички. Произведения открытых жанров очень быстро впитали в себя христианскую риторику и таким образом, получили новое прочтение. Были и другие жанры, которые оказались невосприимчивы к изменениям внешней среды. Это закрытые жанры — обрядовый фольклор, эпос, исторические песни. Фольклорные произведения закрытого типа отличались от произведений открытого типа, в первую очередь, строгой структурой и устойчивой композицией, их тексты к тому же имели меньшую вариативность (Виноградова, Толстой, 1996: 216).

Однако новый славянский литературный язык не сразу стал выразителем народной культуры, — он стал языком христианской Церкви, основу которой составляла христианская традиция. Из древнегреческого языка славяне получили лексемы для выражения высоконравственных мыслей о Боге. Как указывал Д.С. Лихачёв: «после распространения единой письменности и принятия единого литературного церковнославянского языка у славян... появился комплекс единой литературы» (см.: Лихачев, 1973: 15–23; Лихачев, 1961; Лихачев, 1960). В основном этот комплекс был представлен проповеднической, церковно-назидательной, агиографической, всемирно-исторической и аскетической литературой. По мере того, как церковные нужды в литературе удовлетворялись, в славянских странах стали появляться оригинальные произведения различных жанров. В повествовательную и историческую оригинальную литературу попадают и фольклорные элементы. В первую очередь отголоски устного творчества нашли отражение в таких жанрах древней литературы, как хроники, летописи, повести, сказания. Отдельные фольклорные вставки обнаруживаются в «Словах» и житиях монархов.

Проблема взаимодействия и взаимовлияния фольклора и литературы рассматривается учеными на протяжении двухсот с лишним лет. Несмотря на это, обобщающей работы по проблеме влияния устного творчества, в особенности историко-эпической

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы»).

традиции, на формирование древнейших славяноязычных памятников литературы до сих пор нет. Данная ситуация вызвана несколькими причинами — синкретичностью фольклорного материала, что вызывает необходимость изучения текста в совокупности с мелодией, ритмом и метрикой стиха; а также отсутствием древнейших фольклорных первоисточников, историческая и лингвистическая реконструкция которых — сложно выполнимая задача.

К сожалению, первые записи славянского фольклора были сделаны очень поздно, когда часть древнейшего фольклорного материала была уже навсегда утрачена. Первые записи русского эпоса иностранцами относятся к началу XVII века. К концу того же столетия появляются уже и русские пересказы «старин» и иных повествовательных жанров (Былины, 1960; Исторические песни, 1960; Исторические песни, 1966; Новиков, 1971). С XVI века далматинские интеллектуалы записывают сербские и хорватские эпические песни, и в XVIII веке накопился уже немалый фонд таких записей (Народне пјесме, 1878; Ерлангенски рукопис, 1925).

С появлением в XIX веке фольклористики фольклорные произведения стали не просто записываться, но и подвергаться научному анализу. На первых этапах научного изучения фольклора был принят исследовательский подход, основанный на филологическом и отчасти лингвистическом анализе элементов устного творчества в составе литературных произведений. Его заложил русист, основатель лингвистической русистики Ф.И. Буслаевым. Им же была создана мифологическая школа в фольклористики, построенная на сравнительно-историческом методе изучения связей языка, народной мифологии и народной поэзии. Фольклористы предавали большое значение изучению мифа в качестве первоисточника всех фольклорных жанров. Данной проблематике были посвящены работы А. Кайсарова «Славянская и российская мифология»; Г. Глинки «Древняя религия славян»; Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» и «Опыт исторической грамматики русского языка»; А.А. Потебни «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий»; Д.О. Шеппинга «Мифы славянского язычества», «Краткий очерк русской мифологии»; А.С. Фаминцына «Божества древних славян». В этих исследованиях обнаруживается тенденция к изучению прежде всего филологического аспекта мифа в качестве истока древнерусских литературных жанров.

В начале XIX в. вышли сборники сербских песен и сказок Вука Караджича. В 1804 г. увидел свет сборник русских былин и песен под именем Кирши Данилова, давший стимул научному исследованию русского эпоса. Ряд посвященных фольклору сборников (см.: Сахаров, 1851; Сахаров, 1990; Сахаров, 1838–1839; Сахаров, 1841), весьма неоднозначного качества, но также стимулировавших научный поиск, издал энтузиаст И.П. Сахаров, автор термина «былина».

В 1855 году был издан первый сборник русских сказок с научными комментариями, подготовленный выдающимся ученым фольклористом А. Н. Афанасьевым. На обширном материале исследователю удалось сопоставить русские сказки со сказками других народов. При этом Афанасьев в рамках концепции мифологической школы, представителем которой он являлся, объяснял происхождение фольклорной сказки, большинство из них возводя к мифу о борьбе света и тьмы. По мысли Афанасьева, наблюдения людей за природными явлениями породило создание мифов. Такой исследовательский подход в дальнейшем был многократно осуждаем учеными, в особенности В.Я. Проппом. Однако критика трудов Афанасьева не уменьшает их значения для науки. В частности, именно А.Н. Афанасьев первым предложил классифицировать сказки по сюжетам — животный эпос, мифологические сюжеты, сюжеты былинные и навеянные историей, суеверные рассказы о колдунах и мертвецах, сказки с бытовой и юмористической окраской (см.: Афанасьев, 1872). В дальнейшем эта классификация

была упрощена, и сегодня принято различать всего три основных вида народной сказки — волшебная, бытовая сказка, сказка о животных (Славянские древности, 2014: 7).

Среди историков в XIX веке приобрел популярность подход, заложенный В.Н. Татищевым — анализ фольклорных элементов в составе литературных произведений с позиции их истинности или ложности по отношению к историческим фактам (см.: Татищев, 1994). Данного подхода придерживались Н.М. Карамзин (см.: Карамзин, 1988), М.Н. Погодин (см.: Погодин, 2005), С.М. Соловьев (см.: Соловьев, 1988), В.О. Ключевский (см.: Ключевский, 1988) и др. Проведенный анализ позволил ученым сделать вывод о легендарности некоторых фольклорных известий, содержащихся в Повести временных лет (ПВЛ). К ним относятся известия о Кие, о призвании Рюрика, об утверждении Олега в Киеве, о мести княгини Ольги и некоторые другие. Более глубокой проработке народные предания в составе ПВЛ подверглись в исследованиях Н.И. Костомарова (Костомаров, 1989), в XX веке А.Е. Преснякова (Пресняков, 1999), С.В. Бахрушина (Бахрушин, 1941), однако их работы также оставались в поле традиционного подхода.

С современных исследовательских позиций совершенно очевидно, что подход, при котором исследование фольклорных элементов в составе литературного произведения ведется с позиции его истинности или ложности по отношению к исторической действительности, ведет в тупик. В первую очередь, это связано с тем, что сами принципы построения устного произведения диаметрально отличаются от принципов построения литературного произведения. В средневековом литературном произведении, — особенно это касается исторических повествований и хроник, — на первом месте всегда достоверность описания и только потом образность. В устном же произведении любого жанра наоборот — на первом месте всегда образность и мораль, в то время как историческая фактология может быть искажена или вообще опущена. Ярким примером могут служить былины Киевского цикла. Все они привязаны к историческому времени правления Владимира I в Киеве, однако помимо исторической фигуры князя Владимира, в них появляются и вымышленные герои — например, Соловей-разбойник. Русские богатыри сражаются за землю Русскую как с вполне достоверными историческими врагами татарами, так и с мифическим Змеем. Главное в былине не отражение действительности, а преподнесение слушателю урока, основанного на поучительной истории о борьбе добра и зла.

Огромный вклад в исследование фольклорных элементов в составе древнеславянских литературных памятников внесли филологи. Так, М.И. Сухомлинов составил перечень возможных источников ПВЛ и выявил устные предания, вошедшие в ПВЛ, разделив их на племенные и дружинные (Сухомлинов, 1908). Наиболее удачными, на наш взгляд, с точки зрения исследования фольклорной традиции в составе древнеславянской литературы на тот период времени можно назвать работы Н.С. Трубецкого. В частности, исследователь сравнил и проанализировал саму форму и сюжет, характерные для эпического и летописного повествований. При этом он уделил наибольшее внимание анализу формы эпического стиха, на основании которого удалось выделить элементы эпического стиха в тексте ПВЛ. Так, в летописном повествовании о княжении Олега и Игоря ученый обнаружил присутствие «десятисложника», то есть метрической структуры речи, свойственной эпической песне (см.: Трубецкой, 1995).

Работа по исследованию взаимосвязей и взаимодействия фольклора и литературы продолжилась и в XX веке. Среди исследователей, активно занимавшихся данной проблематикой, в первую очередь стоит назвать Д.С. Лихачева, В.П. Адрианову-Перетц, Е.А. Рыдзевскую. Анализируя фольклорные элементы в составе литературных произведений, Д.С. Лихачев обратил внимание на прямую и неразрывную связь образа

героя и подвига, им совершенного: «и вот замечательно, что из произведений народного творчества летописцы заимствовали не только исторические факты, но и самые образы их героев... Герой народного эпоса — это человек богатырского подвига... Образ героя неотделим от совершенного им исторического подвига, запечатлевшегося в памяти народа» (Лихачев, 1987: 152).

Среди советских историков вопросом специально занимался, прежде всего, Б.А. Рыбаков. Внимание специалистов привлекали, в первую очередь, памятники с ясно выраженным эпическим («Слово о полку Игореве», Куликовский цикл) или иным фольклорным элементом (например, «Повесть о Петре и Февронии»). Большое внимание, — в работах Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова и др., — уделялось наиболее ранним повествованиям о древнейшей дописьменной истории (в Начальном своде, Повести временных лет).

Следам устной традиции скандинавского происхождения в русском летописании посвятила ряд работ Е.А. Рыдзевская. Та же тема активно разрабатывалась за рубежом (особенно известна концепция «варяжской саги» А. Стендер-Петерсена, не потерявшая популярности и в современной науке). Отражение славянской мифологии и мифологических представлений в произведениях как древнерусской, так и отчасти южнославянской литературы рассматривается в исследованиях В.В. Иванова и В.Н. Топорова.

В.П. Адрианова-Перетц писала: «установление внутреннего родства древнерусской литературы, в ее лучших образцах, с фольклором вскрывает характер ее народности. Исследование связи литературы и фольклора, независимой от какого бы то ни было прямого «влияния» и выражающейся в общности их отношения к действительности, приводит к вопросу о сходстве самого художественного метода отражения этой действительности у писателя и народного поэта... Некоторым памятникам литературного эпоса, как и устному эпосу русского средневековья, одинаково свойственна гиперболизация действительности, за которой стоит определенная оценка реальных фактов. Этот своеобразный метод художественного отражения действительности выполняет различные функции и должен быть изучен во всех его многообразных проявлениях как в литературе, так и в фольклоре. Образы князей “Слова о полку Игореве”, к которым обращается автор с призывом выступить “за землю Русскую”, представлены с блестящим знанием политической обстановки конца XII в., и вместе с тем они гиперболизированы, чтобы подчеркнуть силу, могущество, власть этих князей, — все то, что должно было, по мысли автора, объединиться для борьбы с наступающей “степью”. Гиперболизированные воинские картины усиливают впечатление от трагического столкновения русских дружин с половецкими войсками» (Адрианова-Перетц, 1974: 10).

Хотелось бы уточнить один момент: «гиперболизированность» — это не простая условность, а художественный метод. Сама Адрианова-Перетц писала, сколь широко применяется он в народном творчестве. Этот метод вслед за народными сказителями стал использоваться и средневековыми авторами. Народному автору и создателю литературного произведения вряд ли мог быть свойственен один взгляд на происходящее. Однако давно доказано, что писатель в создании сюжетной линии и образов своего сочинения нередко использовал типовые шаблоны и образы из устных произведений. Это было обусловлено необходимостью усилить впечатление от написанного. Кроме того, посредством системы образов, используемых в фольклоре, произведение делалось более доступным для читателя правильное его понимание читателя.

Большое значение для изучения влияния фольклора на древнейшую литературу имели и наблюдения специалистов, непосредственно с этой тематикой не связанные. В качестве примера можно привести совершенно справедливое суждение В.Я. Проппа, считавшего, что изучать фольклор вне связи с музыкой — значит понимать только половину дела: «текст и напев составляют одно органическое целое, и метрика стиха не

может изучаться вне музыкального ритма и голосоведения» (Пропп, 1976: 38–39). Исследователи, занимающиеся изучением русского эпоса, давно заметили, что текст русских песен, кроме хороводных, игровых и плясовых, не делится на строфы. Песня имеет скрытое строфическое строение, которое показывает исполнитель с помощью мерного напева. Музыкальные черты фольклора находят отражение и в использующих его средневековых литературных произведениях, могут помогать выявлению его элементов.

Огромный вклад в расширение научного знания фольклора внес Н.И. Толстой. В 80-х XX века по его инициативе началась работа по подготовке этнолингвистического словаря «Славянские древности», завершившиеся уже в XXI веке. В 2014 году вышел заключительный пятый том словаря. Коллективу авторов отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН удалось проделать уникальную работу по анализу языковых, этнографических и фольклорных источников устной славянской традиции.

В последние десятилетия преобладает более критическое отношение к поиску элементов устного происхождения в древнерусской литературе, особенно в летописании. Указывается на иллюзорность части приводившихся ранее параллелей, вероятность книжного происхождения многих мотивов, раскрываются их религиозно-аллегорические смыслы. В этой связи, прежде всего, следует назвать монографию В.Я. Петрухина и О.В. Беловой «Фольклор и книжность: миф и исторические реалии» (Петрухин, Белова, 2008), а также ряд иных работ О.В. Беловой, И.Н. Данилевского, В.Я. Петрухина и других авторов.

Теме отражения устной традиции в памятниках славянского историописания раннего средневековья посвящались диссертационные исследования С.В. Алексева (Алексеев, 1997; Алексеев, 2006) и А.С. Щавелева («Представления о власти в славянских легендах о первых князьях»). Проблематика последней работы развита в монографии А.С. Щавелева «Славянские легенды о первых князьях» (Щавелев, 2007). Ранним этапам развития древнерусской литературы и ее взаимодействию с фольклором посвящены две монографии О.А. Плотниковой (Плотникова, 2015; Плотникова, 2016).

В сербской историографии в фокусе исследовательского внимания традиционно находятся, с одной стороны, сходства и параллели старосербских произведений на исторические темы XIV–XVII вв. с памятниками песенного героического эпоса (особенно Косовского цикла), с другой — следы устной традиции в сохранившейся в латинском переводе «Летописи попа Дуклянина», древнейшем, возможно, памятнике сербского историописания.

Историография «Летописи» подробно рассмотрена в издании ее перевода на русский язык, подготовленном С.В. Алексеевым (Алексеев, 2015). Здесь, в контексте проблематики взаимовлияния фольклора и литературы, стоит остановиться на основных вехах ее изучения за последние десятилетия. Фольклорные корни «Летописи» обосновывались в не потерявшей своего значения монографии Н. Банашевича «Летопись попа Дуклянина и народные предания» (Банашевич, 1971). Это наиболее крупное исследование на тему соотношения устной традиции и старосербской литературы в XX в. Ввиду спорности этнической атрибуции «Летописи» данной тематикой занимается не с меньшей заинтересованностью и хорватская наука (из новейших — работы И. Мужича: Mužić, 2011). С другой стороны, в сербской историографии последнего десятилетия также проявились критическое отношение к традиционным подходам, акцент на поиск литературных источников ранее признававшихся фольклорными тем и сюжетов. Таковы работы Т. Живковича, в частности, последнее сербское издание «Летописи» в 2009 г. (Gesta, 2009).

Для болгарской науки подобным же полем для разработки вопроса о влиянии повествовательного фольклора на раннюю литературу стало небольшое произведение конца XI века под названием «Болгарская апокрифическая летопись». Первое подробное исследование памятника принадлежало чешскому слависту К. Иречку (Иречекъ, 1899). В центре его внимания находились библейско-апокрифический, «внешний», и конкретно-исторический составные элементы географической номенклатуры памятника. Выводы К. Иречка касались и значения сочинения как исторического источника, и анализа его соотношения с устной традицией (прежде всего, с топонимическими преданиями).

Новое детальное исследование источника, не потерявшее значение до сего дня, предпринял крупнейший болгарский историк Й. Иванов (Иванов, 1925: 273–279). Именно ему принадлежит утвердившееся название памятника — «Болгарская апокрифическая летопись». В соответствии с общей темой своей работы «Богомильские книги и легенды», Й. Иванов основное внимание уделил религиозному содержанию памятника, его идейным тенденциям и литературному происхождению. Общий вывод Й. Иванова относительно исторической (не историко-культурной и историко-религиозной) ценности сочинения неизвестного богомила неутешителен: «как историческое сочинение эта летопись не имеет никакого значения» (Иванов, 1925: 274). В то же время Й. Иванов признал, что сохраненные в «летописи» предания, в первую очередь, топонимического характера, могут отражать и некие реальные события. В основном позднейшие исследования памятника подтверждали выводы Й. Иванова (см.: Динеков, 1963: 253; Бешевлиев, 1982; Литаврин, 2001: 240).

В мировой науке взаимодействию фольклора с различными древними и средневековыми литературами посвящено немало монографических работ, в том числе обобщающего характера. Для европейской (в том числе и российской) науки характерен повышенный интерес к кельтской и германской средневековой словесности в их связи с устной традицией. При этом следует отметить, что очень часто различные родственные этнические традиции (например, для анализа «германского материала» — скандинавская, англосаксонская, немецкая) рассматриваются в комплексе, а не по отдельности. Представляется, что такой подход продуктивен и при анализе славянских литератур средневековья.

На наш взгляд, первостепенной задачей историков, филологов, лингвистов, этнографов и фольклористов в области исследований взаимодействия фольклора и литературы должна стать работа по определению основополагающих методов работы с фольклорным материалом. На основании этого возможно будет провести всеохватывающий анализ фольклорных элементов в составе литературного памятника. Данная работа должна предвосхищаться глубоким анализом особенностей формирования и развития общеславянского литературного языка. Последнее позволит исследователям выявить основные принципы проникновения фольклора в литературу, основания их дальнейшего взаимодействия и взаимонаполнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.
Алексеев С.В. Отечественные повествовательные источники XI–XVII вв. о древней истории восточных славян / Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1996.
Алексеев С.В. Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М., 2006.
Алексеев С.В. Летопись попа Дуклянина. СПб., 2015.
Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу, 2-е издание. М., 1872.

- Банашевић Н. Летопис попа Дукљанина и народна предања. Београд, 1971.
- Бахрушин С.В. Героическое прошлое славян. М., 1941.
- Бешевлиев В. Началото на българската държава според апокрифен летопис от XI в. // Средновековна България и Черноморието. София, 1982. С. 39–45.
- Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960
- Виноградова Л.Н., Толстой Н.И. Древнейшие черты славянской народной традиции // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Динев П. Литературният живот през XIII в. // История на българската литература. София, 1963. Т. 1.
- Ерлангенски рукопис старих српскохрватских народних песама. Сремски Карловци, 1925.
- Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925.
- Иречекъ К. Християнският елемент в топографическата наomenclатура на балканските земи // Пер. списания на Българско книжно дружество. Кн. 55–56. 1899. С. 261–268.
- Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л., 1960
- Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966
- Карамзин Н.М. Истории государства Российского. Кн.1. М., 1988.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 1–2. М., 1988.
- Костомаров Н.И. Русская история. Т.1. М., 1989.
- Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 2001.
- Лихачев Д.С. Об одной особенности реализма // Вопросы литературы. 1960. № 3.
- Лихачев Д.С. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. Т. 17. Л., 1961.
- Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973
- Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы. Т. 3. Л., 1987.
- Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Биоград, 1878.
- Новиков Н.В. Русская сказка в ранних записях и публикациях. Л., 1971.
- Петрухин В.Я., Белова О.В. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008.
- Плотникова О.А. Рождение русской словесности. М., 2015.
- Плотникова О.А. Боги и герои Древней Руси. М., 2016.
- Погодин М.Н. Древняя русская история до монгольского ига. М., 2005.
- Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1999.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Пропп В.Я. Избранные статьи. М., 1976.
- Сахаров И.П. Песни русского народа. Ч. 1–3. СПб., 1838–1839.
- Сахаров И.П. Русские народные сказки. СПб., 1841.
- Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851.
- Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н.И. Толстого. Т.5. М., 2014.
- Соловьев С.М. История с древнейших времен. М., 1988.
- Сухомлинов М.И. О преданиях в древней русской летописи // Сб. ОРЯС. Т. 85. СПб., 1908.
- Татищев В.Н. История Российская. Т. I. Ч. 1., М., 1994.
- Трубецкой Н.С. История. Язык. Культура. М., 1995.
- Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. М., 2007.
- Gesta Regum Sclavorum. Т. 1–2. Београд, 2009.
- Mužić I. Hrvatska Kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. Split, 2011.

ПРОЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ А.А. ПОЛОВЦОВА¹

В России XIX — начала XX вв. хорошо помнили о дихотомии — «мы» и «они», «общественность» и «бюрократии». Видимо, на нынешнем этапе развития историографии не нужно доказывать, что это противостояние в значительной мере условное и, более того, в огромной степени искажающее реальное положение вещей. В действительности чиновничество было частью российского общества. Государственные служащие читали те же книги и журналы, что и их соседи, земцы или университетские профессора. Они посещали те же кружки и салоны. У них был схожий социальный опыт. В сущности, они принадлежали к одному кругу людей. Следовательно, и чиновники могли быть недовольны существующим политическим строем (и так порой и случалось) и мечтать о его преобразовании (Россия в 1905–1907 гг., 2017: 89).

Как показали события Первой русской революции среди бюрократов было немало конституционалистов. Но, по крайней мере, до 1905 г. требовать столь решительных преобразований значит признаваться в нелояльности действующей власти. Для проекта государственной реформы, исходившего из бюрократической канцелярии, следовало найти особый язык. Наиболее удобными для этой цели оказались неославянофильские интеллектуальные конструкции. Чиновник-славянофил мог оставаться преданным самой идее самодержавия, но при этом надеяться на возвращение к подлинной царской власти, неуклонно деградировавшей с начала XVIII века. Вместе с тем как будто бы «скромные» неославянофильские проекты подразумевали серьезную институциональную перестройку власти, которая фактически должна была приобрести качественно новые черты (Соловьев, 2009: 79).

Пожалуй, интереснее те проекты, в которых контуры будущей государственной организации были описаны на привычном языке права, а авторы не прибегали к многозначной славянофильской риторике. В этом случае приходилось искать новую формулу законотворческого процесса, которая не напоминала парламентарную, но ставила бы жесткие рамки произволу отдельных бюрократов и даже самого императора. Эту непростую и творческую задачу решал и Александр Александрович Половцов.

Дворянский род Половцовых вел свое происхождение от белоцерковского полковника Семена Половца, служившего еще при гетмане Богдане Хмельницком. В 1702 г. его потомки получили от царя земли далеко от своего родового гнезда — в Псковской губернии. Там они и осели. Сам Александр Александрович Половцов родился 31 мая 1832 г. в имение Рапти под Петербургом. Его отец — Александр Андреевич (1805 — 1892) — служил в I Департаменте Сената, впоследствии же перешел на службу в Министерство государственных имуществ. На жизнь средств не хватало. И Половцов-старший был вынужден давать уроки русского языка (А.А. Половцов, 1909: 351). Мать А.А. Половцова — Аграфена Федоровна (1811–1877) — была из рода Татищевых. Она была дочерью майора Федора Васильевича Татищева, участвовавшего в кампании 1812 г.

В 1851 г. А.А. Половцов окончил Училище правоведение и поступил на службу в Сенат, с которым была связана четверть века его жизни. Он начинал с младших чиновных должностей. Стремительный взлет по службе был как будто бы внезапным. С 1860 г. он обер-секретарь Общего собрания 1-го–3-го и Герольдии департаментов Сената. С 1863 г. статский советник. С 1865 г. действительный статский советник, с 1867

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-01-00376А ОГОН, «А.А. Половцов. Дневники. 1859–1882»).

г. — обер-прокурор 1-го департамента Сената, с 1873 г. — тайный советник, а с 1876 — наконец, сенатор.

В Петербурге хорошо знали, что этот поворот в биографии отнюдь не был случайностью. Еще в детстве Половцов любил повторять: «Буду богат, непременно буду богат!» (А.А. Половцов, 1909: 351). И его мечта, может быть даже неожиданно для него самого, осуществилась. Товарищ по Училищу правоведения гр. Кушелев-Безбородко свел Половцова со многими знатными людьми, чьи дети нуждались в домашнем учителе. Половцов познакомился и с банкиром А.Л. Штиглицем и его воспитанницей Надеждой Михайловной Юневой (А.А. Половцов, 1909: 351). В 1861 г. Н.М. Юнева и А.А. Половцов поженились. В семье Половцовых не сомневались, что их мать и бабушка была внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича, которой по просьбе Николая I покровительствовал барон Штиглиц (Зайончковский, 2005: 8). Ее как будто бы нашли в кустах сирени на даче Штиглицев в Петровском. А на шее ребенка висел золотой крест с большой жемчужиной. Рядом — записка, что девочка крещена Надеждой, отчество — ее Михайловна. Штиглицу оставалось лишь придумать фамилию. Так как ребенка нашли в июне, девочка и стала Юневой. Барон обеспечил ей миллионное приданное, а впоследствии она стала единственной наследницей его громадного состояния.

Как раз после свадьбы карьера Половцова пошла в гору. Примечательно, что вскоре после женитьбы он уже сопровождал великого князя Владимира Александровича в его путешествии по Европе (А.А. Половцов, 1909: 351). В Петербурге Половцов занял особое место. Весь «столичный свет» любил его балы и охоты (Перетц, 1927: 153).

Многое в судьбе Половцова объясняет и тот факт, что именно он фактически был основателем Русского исторического общества. 20 октября 1865 г. состоялось его первое заседание. Правда, официально оно было открыто только в мае 1866 г. 19 октября 1866 г. А.А. Половцов был избран секретарем нового объединения. Однако он не был техническим работником. Сборники Российского исторического общества в значительной мере издавались на личные средства Половцовых: из затраченных 450 тыс. руб. вложения секретаря составили 190 тыс. «Русский биографический словарь» тоже был подготовлен на его деньги (Зайончковский, 2005: 14).

Общественная деятельность успешно совмещалась с государственной. В 1880 г. А.А. Половцову была поручена сенатская ревизия Киевской и Черниговской губерний, с которой он вполне справился, лишней раз обратив на себя внимание. В конце декабря 1882 г. встал вопрос о его возможном назначении государственным секретарем. Против этого восстал министр юстиции Д.Н. Набоков, всячески принижая достоинства Половцова. Зато его поддержал Э.В. Фриш: «Не утомляя самого себя работой, Половцов сумеет заставить других трудиться усердно и хорошо» (Перетц, 1927: 153–154). В целом, положительную характеристику дал и Д.М. Сольский. Он отметил «здравый ум, ловкость и репутацию хорошего администратора». По мнению Сольского, были и недостатки: непомерное честолюбие, напыщенность, неохота трудиться и даже некоторое двуличие. Если бы были лучше кандидаты, то стоило остановиться на них. Но ведь их нет, — констатировал Д.М. Сольский (Перетц, 1927: 154). Великий князь Михаил Николаевич все собранные отзывы повез в Гатчину — Александру III. Император знал Половцова по Историческому обществу, готов был согласиться с его кандидатурой, но хотел посоветоваться с министром внутренних дел гр. Д.А. Толстым. Этот поворот никак не устраивал великого князя. Он не желал вмешательства одиозного министра в дела Государственного совета, так что предпочел настоять на назначении Рембелинского. Последний уже получал поздравления, когда в начале января великому князю Михаилу Николаевичу пришел Высочайший указ об утверждении Половцова. Видимо, послед-

нее слово было за Толстым (Перетц, 1927: 154–155). Так или иначе, в 1883 г. Половцов стал государственным секретарем. Практически десять лет он вел работу Государственного совета, и в 1892 г. он сложил с себя тяжкие обязанности и стал «рядовым» членом высшего законосовещательного учреждения Российской империи. В этой должности Половцов оставался до смерти.

Однако он был отнюдь не только государственным и общественным деятелем, но и промышленником, хотя, пожалуй, и не слишком успешным. В 1883 г. он приобрел Богуславский горный округ в Пермской губернии. Там был построен крупнейший металлургический завод Урала — Надеждинский, названный так в честь супруги Половцова. Он же был акционером Невской бумагопрядильной мануфактуры, Невской ниточной мануфактуры, Кренгольмской мануфактуры бумажных изделий. Ему же принадлежали винокуренные и мукомольные предприятия Воронежской и Тамбовской губерний. Половцов был весьма активен на этом поприще, но не слишком удачен, не размножив, а порядком сократив состояние своей жены. И все же на всех жизненных поприщах он был ярок и инициативен. А.А. Половцов скончался 24 сентября 1909 г.

Он с легкостью растратил почти необозримые богатства Штиглица и, вместе с тем, оставил немалое наследие потомкам. Это, прежде всего, многочисленные публикации Русского исторического общества. Это «Русский биографический словарь» — уникальное по своей информативности издание. Наконец, это дневник, которому Половцов доверял многие личные и государственные тайны. О некоторых «тайных дружинах» петербургских канцелярий откровенно рассказывает автор. Он подробно описывает порядок работы Комитета министров, Государственного совета и его департаментов, функционирование канцелярий губернаторов, принципы принятия решений государственной важности, особенности их экспертизы, кодификационную деятельность высшей бюрократии в 1890-е гг. Дневник, как и положено этому источнику, полон слухов и домыслов. В особенности это касается кадровой политики конца XIX в. В ряде случаев А.А. Половцов высказывает свои суждения по принципиальным вопросам российской жизни: например, о крестьянском вопросе (в т. ч. о порядке владения надельной землей), финансовой политике, о денежном обращении, банковской системе, о таможенной политике, о студенческих беспорядках в Петербурге, о проблемах внешней политике. Причем мнение бывшего государственного секретаря всегда личностное, может быть, даже нарочито оригинальное.

В рассуждениях Половцова находят отражения и славянофильские построения о природе самодержавия, об исторической и социальной миссии российской монархии, и рационалистическое обоснование бюрократической модели управления, во многом перекликающееся с выводами М. Вебера. В частности, Половцов касался проблемы профессионализации управленческой сферы, благодаря чему законотворческий процесс обретал преимущественно технологический характер, а технократия упрочивала свое положение у кормила власти.

Особое внимание Половцов уделял проблемам собственности. По его мнению, институт частной собственности должен был стать краеугольным камнем всей организации российской экономики и общества. Прежде всего, это предполагало ревизию правительственной политики в области крестьянского вопроса, проводившейся в годы царствования Александра III. Половцов подвергал жесточайшей критике курс министра внутренних дел И.Н. Дурново, нацеленный на упрочение положения надельной собственности на селе. Бывший государственный секретарь не считал оправданной консервацию архаичных социальных отношений в деревне. Размышления А.А. Половцова во многом предвосхищали концепцию столыпинских преобразований. Он предлагал позволить крестьянам отчуждать свои наделы в частную собственность, что с очевидностью шло вразрез с правительственными решениями 1890-х гг. По мнению Половцо-

ва, эта мера привела бы к большей социальной дифференциации среди сельского населения, а вместе с тем и большей конкурентоспособности российского земледелия. Государство же, отказавшись от политики социальной опеки, высвободило бы творческую энергию человека (прежде всего, крестьянина) и тем самым способствовала бы ранее следживавшемуся экономическому росту (Половцов, 2014: 67–71).

В этой связи А.А. Половцов ставил вопрос о необходимости подвернуть ревизии традиционную сословную организацию русского общества, которая не соответствовала реалиям конца XIX в. Социальная дифференциация должна была основываться на имущественном положении, доходах, роде деятельности — иными словами, классовой принадлежности подданных российского императора. Сословия же объединяли очень непохожих лиц с разным социальным обликом и жизненным опытом. В сущности, это были искусственные образования, наличие которых объяснялось особенностями фискальной политики России XVIII–XIX вв. Также Половцов высказывал сомнение относительно системы чиновничества и чиновничества, которая способствовала формированию ложных ценностей в бюрократической среде. Табель о рангах представлялась Половцову анахронизмом. Благодаря этому документу, столь оправданному в XVIII в., возникала путаница при разрешении вопроса о субординации чиновников, а бюрократы в «погоне за чинами» теряли из виду проблему эффективности собственной деятельности (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 706. Ч. 6. Л. 62).

Эти взгляды Половцов отстаивал в течение всей своей многолетней государственной карьеры. В конце же царствования Александра II, в 1876 г., Половцов подготовил записку императору с проектом реформы государственного строя. Рецепт спасения не следовало искать в славянофильских статьях И.С. Аксакова, как это впоследствии делал министр внутренних дел Н.П. Игнатьев. Не нужно было копировать западноевропейский конституционный опыт. Следовало использовать те правовые и политические практики, которые уже сложились в России к концу 1870-х гг. По мнению Половцова, конституционное устройство — это естественное состояние политического организма. Его нельзя безболезненно перенести с одной почвы на другую. Так, английский конституционный режим — результат многовековой британской истории. Точно также должно быть и в России: ее правовой уклад должен логически вытекать из предыдущего опыта (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 83).

Половцов специально подчеркивал: он не ставил под сомнение незыблемость самодержавия. Пространства России, весь исторический опыт страны подразумевали именно самодержавное правление. Но во второй половине XIX в. об этой форме правления оставалось лишь вспоминать. В действительности в России установилась диктатура министров, от которых император полностью зависел (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 85).

С точки зрения Половцова, прежде всего, следовало обеспечить постепенный переход власти от чиновников к «нечиновникам», общественным деятелям. Бюрократ — в большинстве случаев человек зависимый, не способный к самостоятельным суждениям (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 87). Фундаментом же будущих преобразований должно стать земство (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 73). Его представителям следовало предоставить право законодательной инициативы. Кроме того, они должны получить право контролировать бюджет. Наконец, и правительственным агентам следовало так или иначе отвечать перед ними (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 74). По оценке Половцова, к концу 1870-х гг. первые две функции принадлежали Государственному совету. Третья (правда, в высшей степени условно) — I Департаменту Сената (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 75). Все это позволяло Половцову считать Государственный совет не законосовещательным, а законодательным учреждением (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 82). Тем важнее правильно организовать его работу, разумно отбирать его членов. В

нынешнем его виде Государственный совет не мог вполне справиться со своими обязанностями. Его состав был в значительной мере случайным. Полноценные прения фактически не позволялись. При таких обстоятельствах полноценное обсуждение законопроектов было практически исключено, что предопределяло низкое качество нормативной базы в стране (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 83).

Действительно большинство «конституционных проектов» второй половины XIX в. так или иначе были связаны с проектируемым будущим Государственного совета: то ли с расширением его функций, то ли изменением состава (с включением в него избранных от земств и городов). Об этом думал и Половцов. Характерно, что планируемое изменение в функционировании этого учреждения должно было повлечь за собой новый порядок законотворчества. Законодательная инициатива должна была быть предоставлена земским собраниям и городским думам, чьи представители смогли бы отстаивать инициативы органов местного самоуправления непосредственно на заседаниях Государственного совета. «Правительство узнало бы таким путем народные потребности из самого верного и прямого источника, призванные депутаты сообщили бы те местные, специальные сведения, недостаточность коих часто бывает ощутительна в центральном правительстве, а самый порядок обсуждения не представлял бы встречающихся в многочисленных выборных собраниях неудобств, порождаемых самолюбивым увлечением, разгаром страстей всякого рода» (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 25). На этом поприще могли бы проявить себя многие земцы. Это стало бы началом их государственной карьеры. Эффективность такого «карьерного лифта» была бы полезна и обществу, и власти. Наконец, обсуждение законопроектов в присутствии экспертов со стороны органов местного самоуправления способствовало оздоровлению всей политической жизни страны. «Законодательные прения за крайне редкими исключениями не могут и не должны составлять тайны, они, напротив, выясняют законодательные взгляды и способствуют к правильному применению законов. Такого рода гласность имела бы еще выгодную сторону, она сделала бы невозможным для самого правительства присутствие в Совете бездарных членов. Правительство было бы поневоле поставлено в необходимость избирать себе дельных, полезных советников, а не людей, повышаемых фаворитизмом или числом пережитых десятилетий» (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 27).

Кроме того, следовало расширить полномочия Государственного совета. Он утверждал бы доклады министров. Это освобождало бы императора от обязанности быть единственным экспертом при оценке деятельности своих ближайших сотрудников (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 85–86). Обновленный Государственный совет, по мысли Половцова, получил бы право учреждать особые комиссии для разработки законопроектов. Это избавило бы высшее законосовещательное (а по Половцову — законодательное) учреждение от доминирования министров, с которыми «рядовые» члены Государственного совета, в силу своей неосведомленности и дефицита технических средств, не могли конкурировать. Такие подготовительные комиссии получили бы право запрашивать ведомства интересовавшие их сведения (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 27об). Председателем Государственного совета не должен был быть великий князь, как это повелось еще с царствования Александра II. Практика показала, что это стесняло свободу суждений сановников (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 29).

В отличие от того, что впоследствии представил императору М.Т. Лорис-Меликов, проект Половцова касался отнюдь не только Государственного совета. По его мнению, необходимо было упразднить Комитет министров, сделать Совет министров постоянно функционирующим органом (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 36–37, 39). Сенатор Половцов придавал немалое значение административной юстиции. Особую роль она играла в странах, где не было представительных учреждений. Там она стано-

вилась естественным противовесом всемогущей администрации. Неслучайно, — констатировал Половцов, — в России неуклонно расширялись 1-го Департамента Сената, несмотря на то, что в этом не было никакой выгоды министерствам (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 66). Правда, в нынешнем своем виде Сенат не мог успешно справляться с возложенными на него обязанностями. Его подлежало реформировать: прежде всего, освободить от диктата министра юстиции. Напротив, Министерство юстиции, подобно всем прочим ведомствам, должно было быть подчинено Сенату (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 92). Кроме того, Сенат не следовало обременять рассмотрением маловажных дел, которые мешали этому старейшему учреждению сосредоточиться на наиболее значимых обязанностях (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 93).

Наличие независимого контроля над чиновничеством сразу бы упорядочило его работу. Бюрократия стала бы ответственнее относиться к своим действиям и решениям. Высшие правительственные учреждения серьезнее подходили к обсуждению законопроектов. Суды получили бы гарантию своей независимости (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 93об.–94).

В конце концов и само чиновничество должно было стать другим. Оно перестало бы быть замкнутой кастой, живущей лишь своими интересами. А для этого следовало бы упразднить чины как явный пережиток прошлого (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7. Л. 89). Как уже отмечалось выше, к этой мысли Половцов регулярно возвращался на протяжении всей своей карьеры.

Предложенные преобразования в случае их реализации стали бы фундаментом для нового политического строя, который был бы укоренен в российской, а не западно-европейской государственной традиции (ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 649. Л. 35). Проект Половцова предполагает постепенный транзит политической системы. Он основывался на убеждении: все новое должно корениться в старом. Подлинные изменения происходят тогда, когда их мало кто замечает.

БИБЛИОГРАФИЯ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 543 (Царскосельская коллекция). Оп. 1. Д. 706. Ч. 6.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 652 (Великий князь Владимир Александрович). Оп. 1. Д. 649. Л. 25.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 583 (А.А. Половцов). Оп. 1. Д. 7.

Александр Александрович Половцов: Некролог // Русский архив. 1909. № 11.

Зайончковский П.А. А.А. Половцов: биографический очерк // Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 2005.

[Перетц Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря. М. — Л., 1927.

Половцов А.А. Дневник, 1893 — 1909. СПб., 2014.

Россия в 1905 — 1907 гг.: Энциклопедия. М., 2017.

Соловьев К.А. Кружок «Беседа»: В поисках новой политической реальности, 1899 — 1905. М., 2009.

ПРИРОЖДЕННЫЙ ДАР РАЗВЕДЧИКА...

*Дай оглянуться — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!*

Илья Эренбург

Безвозвратные потери Красной армии при освобождении Польши во время Великой Отечественной войны составили 600 212 человек — это статистика. Гибель каждого из них — это трагедия. Одним из погибших был танковый разведчик, Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Владимир Николаевич Подгорбунский, так и не успевший узнать ни о присвоении ему звания капитана, ни о награждении двумя орденами Отечественной войны I степени. Пресеклась жизнь отважного воина, воевавшего на Калининском, Брянском, Воронежском, Первом Украинском фронтах, воистину богатырские подвиги которого не имели, да, пожалуй, по сию пору не имеют себе равных. Он мог стать дважды и даже трижды Героем. Мог войти в пантеон великих национальных героев: боевые заслуги позволяли ему претендовать на эти исключительные отличия. Не сбылось...

36 лет заключения

Володя Подгорбунский родился 12 (25) апреля 1916 года в городе Чита в семье учителей. Ему не было и годика, когда царь Николай II отрекся от престола, не исполнилось и двух лет — во время русской Смуты погиб отец, партизанивший в дальневосточной тайге и расстрелянный белогвардейцами; через несколько лет скончалась мать. Мальца, благодаря хлопотам сослуживцев отца по партизанскому отряду, определили в детский дом, педагогический персонал которого явно не был знаком с системой Антона Семеновича Макаренко. Володя оказался в ситуации, в которой не мог не стать правонарушителем. И он стал им. Вот как сам Подгорбунский рассказывал о детстве и юности члену Военного совета 1-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанту Николаю Кирилловичу Попелю:

«На день триста грамм черняшки, тарелка кондера и по воскресеньям — пирожок, зажаренный в собственном соку. А на рынках — молоко, сметана, мед, кедровые орешки и другие деликатесы... В нашем детдоме “Привет красным борцам” воровать научиться было легче, чем письму и чтению... К девятнадцати годам я имел тридцать шесть лет заключения. Количество приводов учету не поддается...» (Попель, 2001а: 25)¹

Баснословно большому суммарному сроку заключения удивляться не приходится: бывший урка явно бравировал своим прошлым перед политработником Попелем. Советское уголовное законодательство не предполагало суммирование сроков. Большой срок поглощал меньший. Достоверно одно: из мест заключения Подгорбунский неоднократно бежал, его ловили и давали новый срок. Своё жизненное кредо излагал с афористической четкостью: «Против Советской власти я никогда ничего не имел, а выступал лишь против личной собственности, обычно в мягких вагонах черноморского направления».

С юности Володя привык везде и во всём первенствовать. В лагере стал ударно трудиться: «Вкалывал за двоих, и считали мне день за три». В стране начался Большой террор, и траектория жизни вора Подгорбунского пересеклась в лагере с трагической

---

¹ Напомню, что время было суровое, и в судьбе Володи Подгорбунского не было ничего из ряда вон выходящего (см.: Борисенко, Мозохин, 2016).

судьбой репрессированного полковника-танкиста, в годы Гражданской войны, как и отец Володи, партизанившего в Сибири. «Он рассказывал мне про армию и про танки — словно песню пел. ... Мудрый старик. Когда умирал, взял с меня слово, что стану порядочным человеком. Написал я письмо Михаилу Ивановичу Калинин. От него запрос в лагерь. Из лагеря на меня характеристика: трудолюбив, сознателен и так далее» (Попель, 2001а: 25). Подгорбунского, благодаря личному вмешательству «всесоюзного старосты» Калинина, освободили и направили служить в танковую часть, где бывший урка успешно освоил специальность механика-водителя танка. Подгорбунский отслужил срочную, демобилизовался и обосновался в «городе невест» Иваново, где стал работать на одной из фабрик. В январе 1942 года был вновь призван Фрунзенским райвоенкоматом города Иваново и направлен воевать в пехоту.

Трагическим летом 1942 года, когда «было всё на кону», старший сержант Подгорбунский, любивший, чтобы даже малознакомые люди называли его Володей, получил свою первую награду — солдатскую медаль «За отвагу», которую можно было заслужить только за личное мужество, проявленное на поле боя. В наградном листе о сути совершенного подвига было сказано кратко, но ёмко: «1.07.1942 г. при наступлении батальона на деревню Бараново старший сержант Подгорбунский со своим расчетом метким огнем из противотанкового ружья подбил фашистский танк, который загорелся на месте, остальные танки возвратились обратно. Под деревней Вазково, когда противотанковое ружье было выведено из строя, тов. Подгорбунский взял ручной пулемет у убитого красноармейца и огнем ручного пулемета рассеял до взвода вражеской пехоты». Старший сержант был ранен, но остался в строю. 10 августа 1942 года командующий войсками Брянского фронта генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский подписал приказ, и большая серебряная медаль на прямоугольной колодочке, покрытой красной муаровой лентой, украсила грудь воина, резко выделив помощника командира взвода роты ПТР 445 мотострелкового батальона Подгорбунского из числа сослуживцев. Летом 1942-го награды были величайшей редкостью, а убыль в командных кадрах велика. Подгорбунского приняли в члены ВКП(б), присвоили ему офицерское звание и назначили заместителем командира роты по политической части. Меньше всего бывший уголовник был пригоден для этой роли. «Газет я не читаю, международное положение чувствую сердцем...»

Скрупулезная честность

Летом 1943 года старший лейтенант Подгорбунский по собственной просьбе попросился служить в разведку и был назначен командиром взвода автоматчиков разведроты 1-й механизированной бригады. Когда надо было произвести рискованный поиск в тылу противника, командование бригады поручало это Подгорбунскому, усиливая его взвод сапёрами, танками и артиллерией. Например, 2 августа разведвзводу были приданы три средних танка и три противотанковых орудия. Как было сказано в наградном листе: «Тов. Подгорбунский, сохраняя технику, делал сперва разведку, а потом пускал разведвзвод на уничтожение немецких захватчиков». Неделю спустя он и его помощник отправились в разведку и попали в засаду, столкнувшись с 12 гитлеровцами, решившими захватить в плен советского офицера в щегольском обмундировании с ярко блестящей медалью «За отвагу» на груди. По словам сослуживца, «Володя ходил в бой всегда при всех регалиях» (Соболев, 1975: Эл. ресурс, 4). Отправляясь в разведку, никогда не снимал с себя погоны, награды и Гвардейский значок, хотя, согласно уставу, все это полагалось сдавать перед поиском. Вспомним Константина Симонова:

Начинена огнем земля;
Не оступись, не хрустни веткой —
Вперед, за минные поля

Уходит пешая разведка.
Все пригнано, чтоб не греметь,
И приготовлено для боя,
И орденов своих с собою
Им не положено иметь.

Ситуация развивалась стремительно. Трех немцев старший лейтенант застрелил в результате скоротечного огневого контакта. Затем, как было сказано в представлении к награде, «перешел в рукопашную схватку, где рукояткой нагана стал таранить немцев и уничтожил троих, а четверых уничтожил его помощник младший сержант Никифоров, 2 фрица, не выдержав сопротивления, пустились наутек». За эти разведпоиски Подгорбунский был награжден орденом Красной Звезды.

Командир бригады полковник Федор Петрович Липатенков, подписавший приказ о награждении, так рассказывал о своем неординарном подчиненном военному журналисту Юрию Александровичу Жукову:

«Да, оригинальный человек. Удивительные дела совершает... Иногда, конечно, нелегко бывает с ним: прошлое на него давит. ...Но временами ему становится трудно. Не всегда он может соблюдать дисциплину, поэтому иногда имеет неприятности с командованием. Но зато в бою — сущий дьявол. Такое иногда сотворит, что прямо не верится. А пошлешь проверить — все точно. У таких людей какая-то обостренная, я бы сказал, скрупулезная честность. Он как бы щеголяет ею: вот вы небось мне не верите, так посмотрите же сами! Смотрим, удивляемся, снова смотрим — все точно!» (Жуков, 1975: 298).

Старший лейтенант щеголял не только своей скрупулезной честностью, но и небывалым артистизмом и непревзойденным изяществом, с которыми он выполнял сложнейшие задания командования. Надо было срочно добыть языка. Подгорбунский сделал это с блеском. О том, как это произошло, поведал в мемуарах генерал-лейтенант Попель:

«Единственного пленного в ночь перед наступлением притащили разведчики Подгорбунского. Пробрались в блиндаж, в котором трое немцев слушали пластинки. Двух прикончили финками, а одному сунули в рот салфетку и поволокли. Подгорбунский бросился назад к патефону, аккуратно поставил мембрану на самый обод пластинки. Из блиндажа, как и пять минут назад, несся веселый тирольский вальсок...» (Попель, 2001а: 26).

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. Поучительный пример

Однажды я попал на занятия, которые проводил ... Подгорбунский. Володя четко отрапортовал и, получив разрешение, продолжил свой рассказ. Я прислушался и пришел в ужас...

Подгорбунский утверждал, что профессия разведчика сродни профессии вора. Тут и там, дескать, потребны наблюдательность, сметка, быстрая реакция, смелость. Он не знал других специальностей и мог соотноситься лишь со своим прежним опытом.

Потом он вспомнил поучительный случай. Одна «гражданочка» в поезде боялась, как бы у нее «не увели» чемодан. Легла спать, а ноги положила на него. Подгорбунский, валявшийся на соседней полке, сделал вид, будто и он спит («Я тогда был темный и несознательный, врагу своему не пожелаю воровской жизни»). Потом бесшумно подошел к соседке, двумя руками осторожно, касаясь только туфель, чуть приподнял ее ноги, а зубами вытащил за ручку чемодан. Дальнейшее потребовало огромного терпения («Разведчик без терпения — сосиска без горчицы»). Медленно, очень медленно надо опустить на полку ноги спящей женщины.

Тут же один из бойцов лег на траву, и Подгорбунский, подставив разведенные большие и указательные пальцы обеих рук под пыльные сапоги, к радости разведчиков, продемонстрировал это «медленно, очень медленно».

Затем последовал вывод: иной раз надо нападать на противника в том месте, где он больше всего боится нападения. «Потому как от страха и свехбдительности люди дуреют».

Подгорбунский ни в какую не мог понять, почему его методика и его примеры не годятся. Надо было уже подавать команду «Приступить к занятиям», а мы с Володей сидели под кустом, и я, употребляя все доступное мне красноречие, убеждал его в непригодности воровских аналогий.

— Но ведь пример с гражданочкой очень поучительный, — возражал он. — А майор велит всегда проводить занятия на поучительных примерах...

Позже я узнал, что Володя не спешил перестраиваться. Однако всегда имел вариант на тот случай, «если кто-нибудь нагрянет», и при необходимости быстро переключался (Попель, 2001а: 117–119).

Гений разведки

Очень скоро старший лейтенант Подгорбунский стал до чрезвычайности популярной фигурой не только у себя в бригаде. Это был едва ли ни единственный случай в истории Красной армии, когда о персоне скромного командира взвода были прекрасно осведомлены все вышестоящие начальники. О нем знало командование бригады, корпуса и даже 1-й гвардейской танковой армии. Вспоминает Елена Сергеевна Катукова, вдова Маршала бронетанковых войск: «В самые опасные места посылал М.Е. Катукоев Владимира Подгорбунского...

— Гвардейцы, богатыри земли русской! Отыщите мне Подгорбунского. Где он? — говорил в трудную минуту Михаил Ефимович. Подгорбунского быстро находили, и командующий ставил ему сложную задачу. Не было случая, чтобы Владимир не выполнил задания» (Катукоева, 2002: 262).

Гений разведки — именно так по примеру командира бригады стали называть Подгорбунского его начальники. Даже член Военного совета фронта и секретарь ЦК ВКП(б) Никита Сергеевич Хрущёв не погнушался с ним побеседовать, по-житейски мудро отозвавшись о развязной манере поведения гения разведки: «Блатная накипь постепенно сойдет, пустяки... А человек, по-видимому, незаурядный. С таким надо бы поближе познакомиться» (Попель, 2001а: 150).

В наступательных боях танковая армия несла потери. Не все подбитые танки удавалось своевременно эвакуировать в тыл и там отремонтировать: сказывалась хроническая нехватка запасных частей. И тогда в светлой голове полковника Павла Григорьевича Дынера, заместителя командарма по технической части, родилась оригинальная идея отбуксировать оставшиеся на нейтральной полосе подбитые танки и там же, на нейтральной полосе, поискать запасные части. Полковник Дынер обратился к старшему Подгорбунскому, и они вместе, километр за километром, скрупулезно обследовали передний край, беря на заметку каждый подбитый танк. Потом разведчики вместе с бойцами эвакуационной роты по-пластунски ползли вперед и на нейтральной полосе сообща решали: «позволяет ли обстановка буксировать танк, стоит ли это делать или лучше снять агрегаты, некоторые детали и этим удовлетвориться». К подбитому танку скрытно прицепляли полукилометровый трос, и тягач его эвакуировал, а обозленные немцы потом еще несколько часов бесцельно обстреливали то место, где еще совсем недавно находился танк.

«Таким манером в армии был сформирован “воскресший батальон” — тридцать пять танков. А сколько удалось добыть запасных частей и целых агрегатов!

Дынер не переставал восхищаться своим «помощником по разведке», как он именовал Подгорбунского:

— Чудо, да и только. Даже по запаху определяет, есть немцы поблизости или нет. Прирожденный дар разведчика...» (Попель, 2001а: 119–120).

Взятие Казатина

Именно благодаря этому прирожденному дару, в ночь с 27 на 28 декабря 1943 года разведгруппа Подгорбунского при освобождении Правобережной Украины первой дерзко овладела важным железнодорожным узлом — городом Казатин Винницкой области. Обойдя город с тыла, разведчики при поддержке сапёров на броне двух танков Т-34 с ходу ворвались в город, уничтожив восемь орудий и два взвода пехоты, посеяв массовую панику среди немецкого гарнизона и парализовав его волю к сопротивлению. Воспользовавшись смятением в рядах неприятеля, небольшая разведгруппа (всего-навсего 29 человек: 18 автоматчиков и 11 сапёров) захватила привокзальную площадь. Действовали отважно и слаженно. Сапёры подорвали выходные стрелки, «отрезав пути отхода противнику, не дав возможности вывезти из города свои тылы; захвачены огромные трофеи». Так было сказано в наградном листе Подгорбунского. Из танковых пушек прицельно расстреляли подошедший под погрузку эшелон, в одном из вагонов которого находились штабные офицеры танковой дивизии. На железнодорожной станции задержали эшелон с военнопленными и гражданскими, отправляемыми в Германию. Это был звёздный час разведчика.

«Невероятно?... — задал риторический вопрос командир бригады полковник Липатенков, рассказывая об этом подвиге Подгорбунского журналисту Юрию Жукову. — Согласен с вами. С точки зрения элементарных тактических расчетов — задача для двух танков и восемнадцати автоматчиков непосильная. И все-таки это реальность. Подсчитано и удостоверено...» (Жуков, 1975: 300).

Подсчеты произвел и начальник разведотдела штаба танковой армии полковник Алексей Михайлович Соболев. «Выясняем, что в Казатине ко времени появления дозора Подгорбунского было около трех с половиной тысяч солдат и офицеров противника. В успехе Подгорбунского решающую роль сыграли внезапность удара и «психический шок», в который впали гитлеровцы, потеряв способность к организованному сопротивлению. Только к 10 часам врагу удалось кое-как организовать сопротивление. Но к этому времени в Казатин вошли танкисты 69-го танкового полка, которым командовал гвардии подполковник И. Н. Бойко, и закрепили успех разведчиков» (Соболев, 1975: Эл. ресурс, 3).

1 января 1944 года командир бригады Липатенков представил старшего лейтенанта Подгорбунского к присвоению звания Героя Советского Союза. В тот же день представление поддержал командир корпуса, а 2 января — командарм Катуков. Указ Президиума Верховного Совета состоялся 10 января — невиданная для военного лихолетья скорость прохождения наградных документов объяснялась большой значимостью одержанной победы. Так Подгорбунский стал Героем Советского Союза, и уже 23 февраля, в день Красной армии, командарм торжественно вручил ему орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

«За нами не пропадет»

Отныне даже сам гвардии генерал-полковник танковых войск Катуков предпочитал не приказывать гвардии старшему лейтенанту Подгорбунскому, а просить его — дотоле неслыханный случай в истории Красной армии. Танковой армии Катукова в конце марта 1944 года предстояла переправа через Днестр, а понтонного парка в распоряжении командарма не было. И тогда начальник разведотдела штаба армии посовето-

вал командарму добыть трофейные понтоны, поручив это дерзкое предприятие Подгорбунскому. Обратимся к мемуарам Катукова «На острие главного удара».

«Встретились с ним на берегу Днестра. Коротко объяснил я ..., в чем суть дела, и по-дружески, не в порядке приказа, а именно по-дружески, попросил:

— Будь добр, товарищ Подгорбунский, уведи у немцев понтонный парк. Сослужи службу, век будем помнить. — И, шутя, добавил: — Учти, работа сдельная, за нами не пропадет.

Вижу, у Подгорбунского глаза загорелись. Знаю: необыкновенные дела для него любых радостей дороже. Козырнул старший лейтенант: «Будет исполнено» — и ушел к своим разведчикам.

В ту же ночь Подгорбунский ... отправился на задание. Как я потом узнал, он и на этот раз действовал лихо, дерзко, но расчетливо.

...Глубокой ночью глухими тропами пробрался Подгорбунский со своими разведчиками через боевое охранение противника, с тыла ворвался в деревню, где находился немецкий понтонный парк, и как снег на голову обрушился на маленький фашистский гарнизон. В деревне, кроме понтонеров, никого не было. Под треск пулеметов и автоматов гитлеровцы разбежались, а наши разведчики, не теряя ни минуты, взяли на буксиры немецкие понтоны и привели их на берег Днестра...

А затем армейские саперы быстро соорудили понтонные паромы и стали перебрасывать на правый берег Днестра машины с горючим и боеприпасами» (Катуков, 1974: 299–300).

Осталось сказать несколько слов, как наградили разведчика за эту «сдельную» работу и многочисленные, воистину богатырские подвиги марта 44-го. За один только день 29 марта 1944 года разведгруппа Подгорбунского в составе 27 человек, с двумя танками, действуя в районе города Станислава (ныне — Иваново-Франковск) уничтожила 4 танка Т-IV, один танк «тигр», 8 бронетранспортеров, 2 самоходных орудия, много автомашин с различным грузом и повозок; разведчиками было захвачено 19 105-мм орудий, 3 зенитных пушки, взято 6 складов, из них 4 продовольственных. Разведгруппа понесла потери, а ее командир вышел из строя.

Командир разведроты представил Подгорбунского к двум наградам: ордену Красного Знамени и вторичному присвоению звания Героя. По первому представлению командир бригады, снизив достоинство награды *на семь ступеней*, 7 апреля собственной властью наградил старшего лейтенанта орденом Красной Звезды; по второму представлению — командарм Катуков 16 апреля отметил Подгорбунского орденом Красного Знамени. Можно лишь гадать, почему Катуков, подобно командирам бригады и корпуса, отказался поддержать второе представление и не стал посылать наградной лист на звание дважды Героя в Москву. Подгорбунский не был удостоен второй медали «Золотая Звезда», и мотивы, которыми руководствовались начальники старшего лейтенанта, включая самого командарма, навсегда останутся для нас тайной. Ведь разведчик не только честно заслужил это высокое отличие небывалыми подвигами, но и щедро заплатил за него кровью. На некоторых фотографиях мы видим на груди гения разведки шесть нашивок за ранения: три золотых — за тяжелые, три красных — за легкие. Впрочем, генерал Попель утверждал, что Подгорбунский был ранен 11 раз: «Если бы он носил все нашивки за ранения, на груди не хватило бы места» (Попель, 2001б: 40).

После очередного ранения Подгорбунский в свою разведроту не вернулся и стал командиром танковой роты 8 отдельного гвардейского мотоциклетного батальона. В числе первых он ступил на польскую землю, подошел к Висле, форсировал ее и отважно закрепился на крошечном плацдарме, который был быстро расширен и вошел в историю Великой Отечественной войны под именем Сандомирского. Именно с этого плацдарма началась знаменитая Висло-Одерская наступательная операция.

«Слежу за левым берегом, — рассказывал позднее командир танковой роты старший лейтенант Григорий Исаакович Розенберг командиру 8-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанту Ивану Федоровичу Дрёмову, — и вижу плывущего навстречу человека. Экипаж насторожился. Медленно тянутся минуты ожидания. Паром почти вплотную приближается к пловцу. И каково же мое удивление! Узнаю корпусного разведчика лейтенанта Подгорбунского. Как-то стало и радостно и в то же время обидно, что не я первый ступил на плацдарм» (Дрёмов, 1981: Эл. ресурс, 10)¹.

В боях на Сандомирском плацдарме Подгорбунский получил тяжелую контузию и попал в госпиталь. Он частично оглох и начал заикаться. Врачи намеревались комиссовать 28-летнего офицера. «Если доживет до конца войны — счастлив будет тот писатель, которому придется с ним встретиться. Увлекательных сюжетов хватит на всю жизнь», — так отозвался о Подгорбунском один из его начальников. Но на плацдарме сложилась очень тяжелая обстановка: надо было восстановить связь между разрозненными подразделениями. Это смертельно опасное задание решили поручить гению разведки. С помощью подложной справки, изготовленной начальником разведки корпуса, разведчики вызволили из госпиталя своего раненого командира. 10 мая 1944 года он стал мужем тверской красавицы Анечки Беляковой, служившей в банно-прачечном отряде, который располагался рядом с госпиталем. «Он сказал мне, что, если я не разрешу ему идти в разведку, он не пойдет. Но не могла я ему этого сказать. На прощанье он долго-долго махал мне рукой. Я его отпустила. Навсегда», — спустя годы вспоминала Анна Константиновна Подгорбунская (Бурилов, 2015: Эл. ресурс). 19 августа 1944 года ее муж попал в засаду, получил еще два ранения и погиб ровно за один день до завершения Сандомирской операции. Он сражался до последнего вздоха и погиб геройской смертью. Подступы к сгоревшему бронетранспортеру, в котором находился Подгорбунский, были сплошь усеяны трупами гитлеровских солдат и офицеров. Поздно ночью разведчики смогли вынести с поля боя его обгоревшее, искромсанное осколками снарядов тело. Гения разведки опознали по Звезде Героя, которая была на его груди.

А наутро Совинформбюро сообщило всему миру об успешном завершении Львовско-Сандомирской наступательной операции: «20 августа севернее города Сандомир наши войска завершили ликвидацию окруженной группировки противника... Ввиду отказа сдать большая часть окруженных войск противника уничтожена».

Ни командир корпуса, ни командарм не догадались посмертно представить Героя к награждению второй медалью «Золотая Звезда».

Тело старшего лейтенанта Подгорбунского первоначально упокоилось в местечке Демба, Сандомирского повета Келецкого воеводства. Затем его перезахоронили в Сандомире в братской могиле № 218, где установили памятную доску: «Герой Советского Союза гвардии капитан Подгорбунский В.Н. Погиб 19.08.1944». Неужели прах Героя будет вновь потревожен?! Польские власти обещают не тревожить могилы, но историческую память они уже потревожили.

---

¹ Гвардии старший лейтенант Розенберг шел на острие удара, наносимого 1-й гвардейской танковой бригадой, входившей в состав 8-го гвардейского механизированного корпуса, и со своей ротой прокладывал дорогу для всего оперативно-тактического соединения. Он дважды представлялся командованием, включая командира корпуса, к званию Героя Советского Союза, но командарм Катукотв отклонял эти представления, своей властью награждая ротного орденами. Кавалер пяти боевых орденов: двух орденов Красного Знамени, двух Отечественной войны I степени и ордена Отечественной войны II степени.

Анна Константиновна Подгорбунская, родившаяся 25 марта 1922 года, дожила до 100-летия своего Володи и еще в декабре 2016-го проживала в поселке Калашниково Лихославльского района Тверской области. Вдова Героя богата наследниками: дочь Галина, две внучки, две правнучки и два правнука.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. Почерк Володи

«Хотите описать, как я одному немцу нос откусил? Святой крест, правда. Можете даже очень художественно обрисовать... Дело было под Одноробовкой. Ехали мы в разведку на “виллисе”. Я, автоматчик и шофер. Вдруг за пригорком — шестнадцать немецких саперов минируют дорогу. У них два пулемета. Мы — прыг из «виллиса» и давай строчить из автоматов. Бой... Мой шофер и автоматчик убиты. У меня — ни одного патрона. А немцев осталось четверо. Наскочили... бьют прикладами... Конец? Врешь, не выйдет! Я — прыг на унтер-офицера и зубами его за нос — старый прием уркаганов. Откусил, плюнул... Он навзничь. Остальные опешили — в стороны. Я схватил у одного винтовку, добил унтера. Потом второго прикладом... А остальные двое сдались. Привез домой на “виллисе”. Вот так... — опять добавил он» (Жуков, 1975: 300).

Спускаясь в соседний овраг, мы задержались на скате. Справа над немецкими окопами носились наши бронетранспортеры. Вспышки выстрелов их крупнокалиберных пулеметов слились в одну светящуюся точку. Казалось, что разведчики Подгорбунского простреливали все живое, что оказывалось перед ними. Взрыв снаряда образовал воронку перед самым радиатором броневика, но он круто развернулся и последними патронами полоснул по пулеметному гнезду гитлеровцев. Оттуда донесся предсмертный крик, а бронетранспортеры, не снижая скорости, влетели обратно в свой овраг.

«Почерк Володи!» — подумал я с радостью, почувствовав теплоту в душе: так отчаянно и в то же время красиво умел бить врага только Подгорбунский (Попель, 2001б: 108).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Борисёнок Ю.А., Мозохин О.Б. «Ворую только в государственных учреждениях...»: Как 12-летний мальчик обокрал Наркомфин и дал Сталину повод отправлять своих ровесников в тюрьму // Родина. 2016. №4. С. 122-125.
- Бурилов В. Две звезды на небосклоне Победы // Тверские ведомости. 26 июня 2015 года / [Эл. ресурс.] URL: <https://360tver.ru/details/2015/06/26/podgorbunskikh/>
- Дрёмов И.Ф. Наступала грозная броня. Киев, 1981 // [Эл. ресурс.] URL: <http://ta-1g.narod.ru/mem/dremov.html>
- Жуков Ю.А. Люди сороковых годов. М., 1975.
- Катуков М.Е. На острие главного удара. М., 1974.
- Катукова Е.С. Памятное. М. 2002.
- Попель Н.К. Танки повернули на запад. М.–СПб., 2001.
- Попель Н.К. Впереди — Берлин! М.–СПб., 2001.
- Соболев А.М. Разведка боем. Записки войскового разведчика. М., 1975 // [Эл. ресурс.] URL: http://nkosterev.narod.ru/vov/mem_4/sobolev.html

СОЗДАНИЕ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОГО ФРОНТА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК ПРОЕКТ АМЕРИКАНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В современном мире практически стерлась грань между внутренней и внешней политикой национальных государств. Одно неотделимо от другого, подвергается оценке мирового сообщества и чревато политическим или экономическим остракизмом. В этих условиях национальные диаспоры приобретают особое значение как информационные и политические посредники между странами. Политическая эмиграция никогда не остается вне сферы внимания государственных структур страны пребывания. Поддержка или противодействие ее активности может определяться комплексом идеологических или прагматических соображений, но она всегда рассматривается как инструмент международной политики. Взаимодействие с диаспорой может осуществляться по линии общественных, благотворительных, культурных организаций, но контроль со стороны спецслужб давно уже стал устоявшейся практикой. Именно на эти структуры в ситуации обострения двусторонних отношений возлагаются задачи преобразования, как правило, разобщенных и конфликтующих между собой эмигрантских групп в национальные объединения, движения или фронты, апеллирующие к широким массам соотечественников на Родине и за рубежом. Какие бы формы не принимали политические объединения национальных диаспор, каждый раз они подтверждают известное правило британской дипломатии, что правительства в изгнании — это не игроки, а игральные карты (Yossi, 2005: 113). О том, какие причудливые пасьянсы могут быть разложены из политических колод, свидетельствует богатый исторический опыт русских политических изгнанников XX века, изучение которого по-прежнему остается актуальной общественной и исследовательской задачей.

О русской политической эмиграции написано сотни книг. О взаимодействии эмигрантов со спецслужбами значительно меньше. Главным препятствием остается закрытость архивов и недоступность документальных источников. Взаимодействие русской политической эмиграции и американских спецслужб рассматривалось на доступных для исследователей материалах и нашло лишь фрагментарное отражение в историографии холодной войны. В зарубежной историографии отдельные аспекты этой проблемы получили развитие в трудах, посвященных идеологическим, культурным, образовательным аспектам противостояния (O'Connell, 1990; LaFeber, 2004; Lucas, 1999; Puddington, 2000) В отечественной историографии начало исследованию этой темы было положено работами советских историков (Яковлев, 1983; Шкаренков, 1987), которые были продолжены, дополнены и переосмыслены в современной историографии в трудах по истории русской диаспоры в США и послевоенной эмиграционной волны (Нитобург, 2005; Ульяновкина, 2010; В поисках истины ..., 1997). Истории русской политической эмиграции в годы холодной войны посвящены обобщающие работы П.Н. Базанова (Базанов, 2008), А. В. Антошина (Антошин, 2008). Отдельные сюжеты, связанные с участием американской разведки в европейских эмигрантских делах, освещались при изучении «гарвардского проекта» (Кодин, 2003), политических совещаний русских общественных организаций и политических групп в Германии (Попов, 2004; Карпов, 2000; Климович, 2015). Вместе с тем, можно согласиться с выводами зарубежных коллег, о том, что участие политической эмиграции в холодной войне остается сравнительно малоизученной темой (Inauguration ... , 2013)

Новый этап рассекречивания документов американских государственных учреждений, продолжающийся сегодня, открывает для исследователей возможности, недо-

ступные предшественникам. В этих условиях обращение к истории русской политической эмиграции и ее попыток создания широкой общественной коалиции для продолжения активной борьбы с СССР в конце 1940-х начале 1950-х годов, выявление роли американских государственных структур и спецслужб в формировании объединенного антикоммунистического фронта, представляется не только интересным, но и крайне важным для понимания возможных форм и методов вовлечения эмиграции в информационно-политическую войну против оставленной Родины, извлечения исторических уроков для выработки современной политики по отношению к соотечественникам за рубежом.

Наибольший интерес для освещения процесса консолидации русской диаспоры, создания антикоммунистического фронта и роли американских спецслужб в этом проекте представляют документы Управления политического планирования Государственного департамента США, Управления политической координации Центрального разведывательного управления; материалы межведомственных встреч представителей ЦРУ, Государственного департамента, Министерства обороны, ФБР, относящиеся к 1946–1951 гг., т. е. начальному периоду холодной войны, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Социальная и общественно-политическая структура русской эмиграции по оценке американских спецслужб

С началом холодной войны русская эмиграция стала рассматриваться американскими политиками не как бесправная беженская масса, застывшая на всех континентах в ожидании неминуемой репатриации, а как потенциальное «потрясающее оружие политической войны», которое нужно «использовать при первой же возможности» (Kelley Memorandum ... , Эл. ресурс). Поиски возможных форм участия русской эмиграции в развернувшемся противостоянии продолжались до начала 1950-х годов. Процесс этот потребовал внимательного изучения этой социальной группы. К концу 1940-х годов общую численность русских эмигрантов определяли приблизительно в 3–4 миллиона человек (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Эл. ресурс). В попытках разобраться с политической и общественной структурой эмиграции, как правило, начинали с деления по волновому признаку, т. е. времени появления и соответственно, пребывания на Западе.

В качестве первой иммиграционной волны с территории Российской империи принято отмечать массовую трудовую миграцию начала XX века. В документах ЦРУ отмечалось, что такой же точки зрения придерживались и советские спецслужбы, считавшие дореволюционную эмиграцию в Америку важным объектом для наблюдения (Return of émigré to the Soviet Union ... , Эл. ресурс). Однако, каких-либо проектов, связанных с дореволюционной эмиграцией в документах Центрального разведывательного управления обнаружить пока не удалось. Возможно, длительность пребывания в США, планомерная работа по искоренению коммунистических настроений, сочувствие к Советской России или признание этой аудитории сферой ответственности ФБР исключило ее из поля зрения специалистов по внешней разведке.

Для специалистов по внешней политике русская эмиграция начиналась с событий 1917 г. Постреволюционная эмиграция воспринималась как осколок русского общества, сохранивший многие лучшие черты и достижения национальной культуры. Дж. Кеннан, признанный эксперт по России и американский дипломат, размышляя о традициях русской культуры как «исключительно важной части общего культурного прогресса человечества», отмечал интеллектуальные и культурные достижения русской эмиграции в США, значительное количество «инженеров, ученых, писателей, худож-

ников» среди «уроженцев России» и «людей русского происхождения» (Кеннан, 2001: 90) Практики антикоммунистической войны считали крайне желательным вовлечение в политическую борьбу всех «стоящих элементов русской эмиграции», в том числе «многих очень способных людей среди старой эмиграции, услуги которых были бы очень ценны, принимая во внимание их высокий интеллектуальный уровень, знание Западного мира и большой опыт в политических делах» (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). «Старая эмиграция», состоявшая из ветеранов Белой армии, насчитывала по разным оценкам более 2-х миллионов человек, и состояла, по мнению экспертов ЦРУ, из представителей «преимущественно высших классов — офицерского состава и интеллектуальной элиты» (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Эл. ресурс).

Эмиграцию межвоенного периода и военных лет часто объединяли под термином «новая эмиграция». Известно, что за годы Второй мировой войны с оккупированных территорий Советского Союза было угнано в Германию и другие страны 4 794 086 советских граждан, около 5,7 миллионов советских военнослужащих оказались в германском плену (Эмиграция и репатриация ... , 2001: 73). После окончания репатриационных мероприятий, по различным оценкам, около 800 тысяч советских граждан отказались вернуться на родину (там же: 81). За них между бывшими союзниками развернулось полномасштабное «сражение за беженцев», которое стало «первым прямым столкновением рождающихся супердержав по вопросу о диссидентах» (Cohen, 2012: 19). Уже 4 сентября 1945 г. командующий американскими войсками в Европе генерал Д.Эйзенхауэр отдает негласное распоряжение, временно приостанавливающее «до выработки новой интерпретации» действие ялтинского соглашения о «ди-пи» (DP — displaced persons, перемещенные лица) — принудительную выдачу советским военным властям перемещенных лиц, не желающих репатрироваться в СССР. Принятые законодательные акты: Закон о перемещенных лицах 1948 г. и дополнивший его Акт от 16 июня 1950 г. увеличили до 400 тысяч общее число перемещенных лиц, кому был разрешен въезд в США (Филиппов, 1973: 53). «Новая эмиграция» представлялась многочисленной, разнородной массой, включавшей представителей всех социальных групп советского общества. Предшествующей волне она проигрывала в образовательном уровне (в документах отмечалось, что не более 10% новых иммигрантов имели то или иное профессиональное образование) и в способности политической самоорганизации. По оценкам американских экспертов, лишь три процента от общего числа «новой эмиграции» принимали активное участие в деятельности политических организаций (Problems and programs ... , 1954: Эл. ресурс). Не хватало «способных и признанных лидеров», которых в новой эмиграции было «еще меньше, чем в предшествующей волне» (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Эл. ресурс).

Все эти недостатки, по мнению экспертов американских спецслужб, компенсировались морально-волевыми качествами вновь прибывших. Новые эмигранты испытывали значительно большую «ненависть к коммунизму» и не просто стремление, а подчеркиваемое в документах «страстное желание» бороться за освобождение своей страны от правления коммунистов, не растраченное как эмигрантами первой волны в идеологических спорах на чужбине в 1920–1930-х гг. Во-вторых, бывшие советские люди, прошедшие горнило войны, представлялись американцам «более жесткими и беспощадными», чем старая эмиграция. В-третьих, они обладали жизненным опытом и знанием людей, «проживших большую часть своей жизни при Советской системе» (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). Одним словом, новая эмиграция стала рассматриваться как «очень ценный союзник» (Там же).

К «новейшей эмиграции» стали относить тех, кто покинул территорию СССР или стран Восточного Европы после окончания Второй мировой войны. Ее составляли

перебежчики, военные дезертиры, невозвращенцы, бывшие «внутренние эмигранты», принявшие решение бежать по идейным соображениям. К началу 1950-х гг. их число достигло 30 тысяч, однако самостоятельной силой они не являлись, участвуя в деятельности тех организаций, которые могли им предложить лучшие условия.

К концу 1940-х гг. политической столицей Российского зарубежья становится Нью-Йорк. Здесь возрождаются и ведут активную общественную работу многочисленные враждующие политические группировки. Общим для эмиграции остается неприятие большевизма и советского строя. В остальном программы представляют собой «чресполосицу» политических платформ дореволюционных партий, эмигрантских объединений межвоенного периода и власовского движения. В документах спецслужб находим интересную попытку классифицировать политическую жизнь эмиграции по «центрам притяжения сил», в качестве которых выделялись: социалистические партии, Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), либеральные демократы, Народно-трудовой союз (НТС) и монархисты (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс).

По общему мнению, левые партии доживали свой срок, сосредоточив всю свою деятельность вокруг газетной полемики, интересной для узкого круга постоянных читателей. Бесплезные для борьбы с СССР партии и группы получают в документах спецслужб резкие, иногда уничижительные характеристики. Так партия меньшевиков, объединившаяся вокруг издания «Социалистического вестника» в Нью-Йорке, представляла собой немногочисленное число «пожилых доктринеров и узко мыслящих лидеров, чья сила состоит только в их связях с бывшим Вторым Интернационалом с другими социалистическими партиями» (Russian Emigrant ... , 1950: Эл. ресурс). К концу 1940-х некогда влиятельная сила была уже «и не рабочей партией и не движением» (Там же). К середине столетия перестала существовать и некогда «внушавшая страх и очень активная марксистская террористическая организация» (Там же) — Партия социалистов-революционеров.

Однако ряд политических лидеров сумел использовать возникшую волну общественного интереса к политической деятельности и направить энергию эмигрантских масс в организованное русло. В Нью-Йорке в 1948 г. для «координации левых сил на демократической основе» (Russian Emigrant ... , 1950: Эл. ресурс) была создана Лига борьбы за народную свободу. Возглавляли организацию в этот период А.Ф. Керенский и Б.И. Николаевский.

Участие в Лиге «давно забытого Керенского» (Russian Emigrant ... , 1950: Эл. ресурс), единственной сильной чертой которого, по мнению американских экспертов, оставалась «легитимность его притязаний на власть как главы последнего российского правительства до большевиков» (Там же), тем не менее выделила организацию из общей массы эмигрантских объединений. Активная публичная деятельность самого А.Ф. Керенского, поддержка Лиги со стороны американцев, освещение ее деятельности в прессе, декларируемое стремление к широкой коалиции старой и новой эмиграции, включая бывших власовцев, не могли не вызвать слухов и надежд на создание правительства в изгнании. Лига оставалась в поле зрения американских спецслужб до начала 1950-х. После окончания эксперимента с созданием единой эмигрантской организации она была лишена финансирования, забыта и вскоре прекратила свое существование.

Союз борьбы за освобождение Народов России (СБОНР) рассматривался американскими экспертами в качестве наиболее сильной, активной и спаянной организации, нацеленной на «освобождение России», с налаженной системой ведения пропаганды и имеющей связь с подпольными организациями в СССР. Идеологически базируясь на положениях Пражского манифеста 1944 г. Комитета освобождения народов России как политической структуры армии генерала А.А. Власова, СБОНР сумел объединить мно-

гочисленных сторонников из числа новой эмиграции. На пике своей активности Союз насчитывал почти 4000 членов, рассеянных по всему миру, в том числе со «значительным количеством последователей в США» (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Эл. ресурс). По своим идеологическим воззрениям это было самое левое из власовских объединений. Считалось, что идеологически группа была достаточно близка «к правому крылу Социалистической партии Германии, при этом ни в коем случае не являясь марксистской» (Russian Emigrant ... , 1950: Эл. ресурс). В конце 1940-х гг. СБОНР входил в Лигу борьбы за свободу народа на правах коллективного члена (Базанов, 2008: 291). На рубеже десятилетий председателем организации был Н.А. Троицкий (Б. Яковлев), впоследствии — директор Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, один из активных участников процесса создания политического объединения эмиграции.

В конце 1940-х гг. вместе с СБОНР в документах упоминается Союз воинов освободительного движения, являвшийся его военной организацией. Часто СБОНР и СВОД рассматривались американской стороной как единая группа. Руководителем организации в конце 1940-х гг. был М.А. Алдан. После завершения общественной деятельности он продолжил карьеру в качестве преподавателя в системе Вооруженных сил США. В конце 1960-х эти организации сольются и продолжат свою деятельность до середины 1980-х гг. Сильной стороной этих организаций считалось хорошее знание ее участниками «мыслей и эмоций русского народа и Советской армии», умение в ходе пропагандистских мероприятий находить с ним общий язык (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Эл. ресурс) и тщательный отбор членов, препятствующий проникновению в состав организации враждебных элементов. Значимыми проблемами были нехватка средств и отсутствие лидеров. Последнее стало следствием того, что по условиям Ялтинских соглашений, военное командование вооруженных сил США передало Советской Армии не только генерала Власова, но и многих других авторитетных и способных руководителей-коллаборационистов (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). И то и другое планировалось исправить при помощи ЦРУ, в том числе за счет возможного «слияния с РОВС или НТС» (Russian Emigrant organizations ... , 1950: Эл. ресурс).

Главным препятствием для распространения влияния СБОНР среди эмиграции и советского населения была печать коллаборационизма, которой были отмечены все бывшие власовцы. Такая репутация существенно затрудняла «публичные или частные выступления и активность в США» и ограничивала поле деятельности организации Германией (там же).

Неприятие коллаборационизма стало для американских спецслужб роскошью уже к концу 1940-х гг., когда они перестали испытывать «значительные угрызения совести, работая с отдельными лицами или организациями, которые сотрудничали с Германией во время войны» (Albanese, 2015: 61). На государственном уровне была признана целесообразность привлечения специалистов из Германии для работы над военными проектами. По оценкам американских исследователей, в 1948–1952 гг. около 10000 военных преступников и коллаборационистов были допущены в США (O'Connell, 1990: 203). Многие из них продолжили борьбу на идеологическом фронте, активно участвуя в государственной программе ведения информационно-психологической войны.

В конце 1940-х гг. либерально-демократическое направление все больше теряло свое влияние. Американцев расстраивала его слабость и отсутствие укоренившихся либеральных традиций среди широких эмигрантских масс. Этот недостаток русской эмиграции не мог быть устранен очень быстро. В документах отмечается невозможность «привить» либеральное мировоззрение за рубежом в короткие сроки, так как либеральная традиция формируется в ходе длительных «глубинных органических политических

процессов», (Главный противник ... , 2006: 196) протекающих на национальной почве. Практическим выводом из этих наблюдений стало институциональное недоверие к носителям русского либерализма. И потому, несмотря на существование в среде русской эмиграции нескольких «интересных и достаточно влиятельных политических группировок, которые в той или иной степени декларируют приверженность либерализму», сомнение вызывала их возможность «удержать власть в своих руках, не прибегая к полицейским методам и террору»(Там же).

Среди либерально-демократических организаций на особом положении у американских наблюдателей был Союз борьбы за свободу России, созданный после Второй мировой войны историком и политиком Русского зарубежья С.П. Мельгуновым. Группа Мельгунова разделяла позицию «непредрешенчества» и стремилась к созданию широкой либерально-демократической коалиции, простирающейся вправо от политического центра до позиций конституционных монархистов (Антошин, 2008: 111; Базанов, 2008: 303). В документах американских государственных служб неоднократно отмечалось, что важность эмигрантской организации могла не зависеть от ее размера, так как «некоторые из них, оставаясь незначительными по размеру, оказывали важное влияние на образ политического мышления всей эмиграции благодаря качествам и позиции их лидеров» (Problems and programs ... , 1954: Эл. ресурс). В полной мере это заключение экспертов Госдепа относилось к деятельности мельгуновской группы. Союз не только выделялся уровнем политической и общей культуры на поредевшем фоне эмиграции, но и оказывал влияние на «политические дела» эмиграции (Там же). Ярko заявив о себе в начале и приняв активное участие в процессе создания единого демократического движения, группа просуществует до начала 1960-х.

Национально-трудовой союз (НТС) привлек внимание американских государственных структур по ряду причин. Отмечалось, что он собрал под свои знамена «многих способных людей, по идейным соображениям целиком посвящающих себя борьбе против большевизма» (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). Организация, возникшая в среде русской эмиграции в 1930-е гг., после окончания войны стала одной из крупнейших, объединяя почти две тысячи членов. В рассматриваемый период во главе ее находился В.М. Байдалаков (Базанов, 2008: 306), поддерживавший тесные личные контакты с представителями американских государственных структур. Идеологически организация являлась праводемократической. Недостатком организации считалось стремление его руководства работать самостоятельно, поддерживать широкий круг партнерских отношений, в том числе и с разведслужбами разных стран (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). НТС сумел пережить годы изгнания и вернуться на родину, продолжив работу уже в демократической России.

Среди национально-патриотических организаций русской эмиграции, действовавших в США и в Европе, особого внимания спецслужб удостоился Русский общевоинский союз (РОВС), созданный ветеранами белого движения. Американцы считали эту организацию старого русского офицерского корпуса во многом образцовой. Она оставалась одной из самых многочисленных и в то же время лучше всего управляемой группой. Главным недостатком, неуклонно снижающим ценность этого объединения, был возраст ее членов. В конце 1940-х гг. он превышал 57 лет, что делало организацию скорее клубом по интересам, чем «реальным политическим фактором» (Russian Emigrant organizations, 1950: Эл. ресурс). Монархические объединения, созданные постреволюционной эмиграцией в 1920-е гг., активизировали свою деятельность в 1945–1949 гг., рассчитывая на прилив молодой крови. Надежды не оправдались, новая эмиграция оказалась невосприимчивой к идеологии этого направления. Старые организации, такие как Высший монархический совет или Русский имперский союз, сохраняя ядро, не превышавшее 200 человек, неуклонно старели и хотя по-прежнему попадали в обзоры

организаций Российского зарубежья, все больше воспринимались как и кадетские объединения как социальные организации, «не имеющие практической ценности для ведения борьбы» (Russian Émigré organizations ... , 1951 : Эл. ресурс).

Обзор доступных сегодня документов государственных структур США о положении дел в эмиграции свидетельствует о том, что американские эксперты располагали в целом реалистичной картиной общественной и политической жизни эмиграции и не испытывали особых иллюзий о потенциале этого ресурса в антикоммунистической борьбе. Кроме общей ненависти к Советскому строю и надежд на возвращение в посткоммунистическую Россию эмиграция имела мало общего. По мнению первого директора ЦРУ Роскоу Хилленкоттера, организации эмигрантов были «в высшей степени нестабильны и ненадежны, разделены личным соперничеством и идеологическими различиями, и в основном озабочены тем, как укрепить свои позиции в Западном мире» (цит. по: Albanese, 2015: 62).

Создание объединенного антикоммунистического фронта: поиски решения и исполнителей

Преодоление разобщенности эмиграции планировалось требовало новых подходов и решений, которые позволили бы ей «сослужить бесценную службу силам Западных демократий в их борьбе против Московской диктатуры (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). В 1947 г. Координационный комитет армии, флота и госдепартамента рекомендовал вести поиск политических фигур среди восточноевропейских беженцев, которые могли бы стать «потенциальным ядром возможных комитетов освобождения, способствующих движению сопротивления коммунизму и связям с подпольем в советском мире» (Lucas, 1999: 65). Результаты работы были сформулированы Дж. Кеннаном в концепции «политической войны», принятой на вооружение Национальным Советом безопасности. Согласно предложенной стратегии энергия политической эмиграции из стран советского блока должна была аккумулироваться вокруг создаваемых комитетов освобождения или центров «национальной надежды», «открыто возглавляемых выдающимися политическими беженцами из Советского мира», которым «для поддержания на плаву» должен был обеспечиваться доступ к «печатному станку и микрофону» (George F. Kennan ... , Эл. ресурс).

Принципиально новым для внешнеполитической практики стало создание общественной организации, выступавшей в качестве прикрытия официальной политики так, чтобы «ответственность правительства не была выявлена» (George F. Kennan on... , Эл. ресурс). Практической реализацией этого проекта стало создание Национального комитета Свободной Европы весной 1949 года. Широко известны проекты Комитета по организации радиовещания на страны советского блока (Радио «Свободная Европа» и радио «Свобода»). Значительно реже в поле зрения исследователей попадала оказываемая Комитетом финансовая поддержка нескольких сотен международных общественных организаций, призванных стать форпостами борьбы с коммунизмом. Среди них особое место занимали национальные комитеты эмигрантских организаций венгров, поляков, чехов, болгар, прибалтов и т.д., на поддержку которых за несколько десятилетий были потрачены десятки миллионов долларов. Многим из них удалось добиться неформального признания как национальных правительств в изгнании с официальными офисами в Нью-Йорке или Вашингтоне и субсидиями на зарплату части сотрудников (Inauguration...:Эл. ресурс).

К началу 1950-х годов Комитет накопил значительный опыт создания и координации деятельности национальных организаций эмигрантов, однако создание объединенного русского антикоммунистического фронта представлялось экспертам этой ор-

ганизации делом значительно более сложным. Пропасть, разделявшая организации — участников этого процесса, казалась «непреодолимой» (Russian Émigré...1951: Эл. ресурс).

Новая эмиграция, вплотную соприкоснувшись с реалиями эмигрантской политической жизни, начинает выступать за преодоление узких партийных рамок и создание объединенного антикоммунистического фронта для «подрыва доверия к коммунистическому режиму в Москве» и оказания помощи антибольшевистским силам внутри Советского Союза, (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс).

Одной из первых попыток консолидировать антикоммунистические силы стало создание в 1948 году в Германии «Антибольшевистского Центра Освободительного Движения Народов России» (АЦОДНР). Организация изначально создавалась как «надпартийный политический центр для координации антикоммунистической деятельности русской эмиграции» (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). Руководители центра рассчитывали стать ««равноправным договаривающимся партнером» с западными союзниками и обсуждать вопросы, связанные с созданием армии и подготовки административного аппарата для освобожденной России» (Russian Émigré...1951: Эл. ресурс). В качестве платформы движения были выбраны положения Пражского манифеста 1944 года в его самом широком толковании, способном сгладить противоречия между инициаторами объединениями — организациями монархистов и групп бывших власовцев. Тем не менее существование Центра оказался недолговечным. Новая попытка объединения остатков власовского движения с монархическими кругами — в рамках создания Комитета объединенных власовцев — также оказалась неудачной и привела к окончательному размежеванию этих сил.

К концу десятилетия русская эмиграция находилась «в состоянии постоянного движения». Организации распадались, возникали, и даже находясь, как СБОНР и СВОД, в «рудиментарном состоянии», не прекращали попыток к объединению антикоммунистических сил. Коалицию на республиканской основе стремилась создать Нью-йоркская Лига, за еще более широкое объединение, выходящее за рамки республиканской платформы, выступала группа Мельгунова (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс).

В русской среде возникло около дюжины «союзов», «центров», «движений», стремящихся консолидировать разрозненные и разобщенные массы беженцев. Отмечая провал многих начинаний, американские наблюдатели выделяли наличие неких «тенденций», обещающих возможность такой консолидации в будущем и «медленную кристаллизацию некоторых политических течений, вокруг которых могло бы сложиться объединение на более широкой основе (Russian Émigré...1951: Эл. ресурс).

Для создания успешного национального фронта, с точки зрения американских стратегов, было необходимо выполнение нескольких условий. Принять «чрезвычайно широкую программу, содержащую только два базовых положения — освобождение России от Коммунистов и непредрешищенство», которая была бы пригодна не только для митингов русской эмиграции», но была бы интересна для жителей СССР (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). И, главное, «загрузить» новое объединение повседневной работой, так как отсутствие реальной работы может погубить любые самые успешные начинания.

Просто ждать постепенного вызревания этих объединительных тенденций в массе русской эмиграции в условиях разворачивающегося военно-политического противостояния было для американских стратегов неприемлемо. В сентябре 1949 года Дж. Кеннан формулирует политические рекомендации для сотрудников спецслужб по созданию русского национального антикоммунистического фронта, увязывая его деятельность с разворачивающейся работой с политической эмиграцией из стран Восточ-

ной Европы, уже активно вовлекаемой в борьбу под эгидой Национального комитета Свободная Европа (Kennan Authorizes... Эл. ресурс).

Дж. Кеннан инструктирует сотрудников ЦРУ о желательности скорейшего создания центральной организации русских политических беженцев в Германии и Австрии со штаб-квартирой в Западной Германии с последующим открытием отделений в Париже и Нью-Йорке. После создания организации со стороны спецслужб должно было быть обеспечено «постоянное руководство ее деятельностью, осуществляемой эффективно, безопасно для спонсоров этого проекта и «в соответствии с целями внешней политики Соединенных Штатов» (Там же). План создания организации предусматривал отбор активных антикоммунистов «безусловной политической надежности и целостности», обладающих знаниями о современном положении дел в СССР, и их дальнейшее объединение в небольшой по размеру, но тем не менее представительной организации, представляющей наиболее значительные политические группы эмиграции. Начать деятельность планировалось с оказания помощи беженцам в решении бытовых и социальных вопросов, затем на фоне завоеванного авторитета планировалось перейти собственно к политической работе (Там же).

Однако процесс создания русской организации — Русского благотворительного комитета (Russian welfare committee) — был скорректирован активной общественной деятельностью самой эмиграции. К моменту оформления идеи о создании Русской эмигрантской организации, в Европе уже активно работал комитет Центрального представительства российской эмиграции американской зоны, созданный для «решения культурных и материальных нужд русской эмиграции» (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс). Организация уже установила рабочие отношения с военными и иммиграционными властями, получила поддержку Русской православной церкви. Как вынужденно отмечалось американскими экспертами, в данных условиях появление нового благотворительного комитета, в который вошли бы сотрудники, специально отобранные для решения этих задач, вызвало бы большое непонимание, неизбежно привело бы «к значительному противоречию с существующими организациями» и стало бы «объектом для подозрений с самого начала» (Там же).

Вплотную к созданию политического объединения эмигрантов из СССР американские спецслужбы подошли летом 1950 г. (Office of Policy Coordination ... , Эл. ресурс). Дж. Кеннан, как представитель Госдепартамента США, поручил Управлению политической координации ЦРУ создать такой «политический центр», который мог бы «говорить с русскими от имени русских» (Там же). К осени 1950 г. план был разработан и одобрен. Он предполагал, во-первых, создание в Нью-Йорке американской общественной организации, выступающей в роли официального распорядителя средств и координатора проекта по взаимодействию с русскими эмигрантскими объединениями, при этом камуфлирующей интерес и вовлеченность американских государственных структур. И во-вторых, планировалось создание на территории Германии политической организации, объединившей бы многонациональную эмиграцию из СССР.

Для координации использования русской эмиграции в идеологической борьбе был создан Американский комитет по освобождению народов России. Согласно первоначальному плану, американская организация должна была быть небольшой по составу участников, состоять из известных людей, чей интерес к «русским вопросам» не вызывал бы подозрений, и которые были проинформированы о целях, задачах и «фасадном» характере организации с самого начала, чтобы как следовало из меморандума «не было недопонимания на более поздних этапах деятельности» (Office of Policy Coordination ... , Эл. ресурс). Менялось название организации: «Американский комитет по освобождению от большевизма», «Американский комитет по освобождению», Комитет «Радио Свобода», — но не ее предназначение. История создания Комитета прослеживается и

по открытым источникам, хотя в них отсутствует упоминание об участии ответственных сотрудников спецслужб в становлении и деятельности этой организации. В январе 1951 г. на учредительной встрече комитета в Нью-Йорке присутствовали Ф. Уиснер с коллегами из ЦРУ и будущие члены комитета: проработавший несколько лет в СССР журналист, старший редактор «Ридерс дайджест» Юджин Лайонс (Eugene Lyons), историк, специалист по СССР Уильям Чемберлин (William H. Chamberlin), вице-президент Time Inc. Аллен Гровер (Allen Grover), издатель Уильям Витт (William L. Witte), профессор Гарварда Уильям Элиотт (William Y. Elliott). После встречи комитет был зарегистрирован по законам штата Делавэр как некоммерческая организация. Позднее в состав Комитета вошли бывший губернатор штата Нью-Джерси Чарльз Эдисон (Charles Edison) и писатель и журналист Исаак Дон Ливайн (Isaac Don Levine). Ответственным за подбор участников был сотрудник ЦРУ Франклин Линдсей (Franklin Lindsay). В отличие от организации восточноевропейской политической эмиграции, открытие которой сопровождалось серией ярких публичных мероприятий, а участники разъезжали по стране с агитационными и просветительскими выступлениями, деятельность Американского комитета, как и планировалась заранее, была значительно менее открытой. По одной из версий, это было связано с желанием ЦРУ плотнее координировать деятельность организации, занимавшейся русскими делами (Puddington, 2000: 155). Финансирование осуществлялось через специально созданный на Среднем Западе фонд, ставшим официальным спонсором Комитета. Связь с Вашингтоном не афишировалась, за финансовой поддержкой к официальным структурам открыто никто не обращался. Повседневной деятельностью организации руководил исполнительный директор Реджинальд Таунсенд (Reginald Townsend). Из офиса в Нью-Йорке осуществлялась связь с представительствами организации в Европе (Office of Policy ... , Эл. ресурс).

Политическое объединение русских эмигрантов в Европе создавалось в качестве инструмента информационного воздействия на советское население. Самоорганизация эмиграции в этот момент стала рассматриваться уже как второстепенная задача. Участники объединения подбирались, исходя из практической полезности, для «доставки» американской информации советскому населению, отгороженному «железным занавесом».

На роль «учредителей» движения были выбраны четыре организации: НТС, СБОНР, Лига борьбы за народную свободу и группа Мельгунова. Объединение организаций русской эмиграции осложнялось «межгрупповой борьбой, бесконечным соревнованием за лидерство, мелкими ссорами и пререканиями между различными политическими группами» (Recommendations on Utilization ... , Эл. ресурс) Переговоры о создании политического центра с эмигрантскими организациями начались осенью 1950 г. Имя эмиссара американского правительства, направленного в Европу для проведения встреч с эмигрантами, до сих пор остается засекреченным. В американской историографии считается, что первые переговоры проходили при участии Спенсера Вильямса (Spencer Williams), как представителя Американского комитета освобождения народов России в Европе уже в 1950-м г., хотя сама организация будет формально учреждена в феврале 1951 г. (O'Connell, 1990: 299).

По результатам встреч С. Вильямса с русскими организациями была достигнута договоренность о создании политического центра. Первое совещание антибольшевистских сил состоялось в городе Фюссен (Бавария, Германия) в январе 1951 г. Русскую эмиграцию, как и было запланировано ЦРУ, представляли 4 организации: НТС, СБОНР, группа Мельгунова, нью-йоркская Лига.

Исследователи отмечают разношерстный состав участников, представлявших различные волны эмиграции. Несмотря на предварительные переговоры, организаторы и участники встречи представляли ее по-разному. Для русских организаций создание

единого антибольшевистского фронта — это вечная идея-мечта, вновь обретшая популярность в связи со значительным численным ростом эмиграции и эйфорией превращения изгнанников в мощную политическую, а возможно и военную силу. Закаленные в политических спорах эмигрантские политики видели свою задачу в утверждении платформы объединения и созыва конгресса российской эмиграции (Климович, 2015).

Встреча завершилась принятием итогового компромиссного постановления, которое немедленно стало объектом для критики. Эмигрантская печать осудила собравшихся за попытку говорить от имени всей эмиграции, за нерешительность в отстаивании территориальной целостности России, отсутствии четкого указания на неделимость России, за слишком заметное участие «американцев» в русских делах и финансовую поддержку проекта Американским комитетом.

Координаторы из ЦРУ оценили встречу как «неуспешную», так как принятая идеологическая платформа не подходила для задуманного расширения состава участников за счет привлечения в объединение других национальных групп «на равноправной основе». Недостаточно четко была выражена приверженность «непредрешенческому» подходу к выбору будущего национально-государственного устройства, который «должен быть сделан сами народом, когда он получит возможность свободно выразить свою волю» (Office of Policy ... , Эл. ресурс).

Индивидуальная работа с каждой из организаций была продолжена, состоялись переговоры с эмигрантскими организациями других этнических групп. После нового раунда встреч в Вашингтоне Американский комитет назначил уже не эмиссара, постоянного представителя в Европе для связи с этими группами на 1,5 года, с задачей скорейшей организации нового политического совещания (там же).

Подготовка второго совещания началась в июле 1951 г. с проведения консультаций с представителями уже 5 эмигрантских организаций. К участникам первой встречи добавилось Российское народное движение, созданное в Париже Р. Гулем в 1948 г., но оказавшееся в этом проекте из-за необходимости сохранить для будущего объединения «легитимного» А.Ф. Керенского, к этому времени покинувшего нью-йоркскую Лигу в результате внутренних разногласий и возглавившего РНД.

17–20 августа 1951 г. в Штутгарте состоялась встреча пяти общественных организаций эмиграции. Было принято решение о создании Совета освобождения народов России на условиях, обозначенных американской стороной еще в Фюссене. Были утверждены органы управления, порядок их формирования. О создании новой организации было объявлено на пресс-конференциях во Франкфурте и Нью-Йорке (Office of Policy ... , Эл. ресурс).

Эмигрантская общественность при обсуждении итогов совещания вновь сосредоточила свое внимание на идеологической платформе (дискуссии касались национального вопроса, возможности объединения на общей платформе с монархическими и крайне левыми партиями и т. д.).

Организаторы мероприятий с американской стороны были озабочены скорейшим переходом к практической деятельности, которая должны была вестись по четырем направлениям: «радиовещание, направленное на Советский Союз; издание газеты; политическая активность центра, исследовательский институт в Германии» (там же).

В сентябре 1951 г. на совместном заседании сотрудников Государственного департамента США и разведки (CIA-State Department ... Эл. ресурс) были подведены итоги проекта по созданию политического центра. Руководитель проекта Фр. Уиснер обратил внимание собравшихся на достигнутый значительный прогресс и подписание протокола о совместной работе пятью русскими эмигрантскими организациями. «Заказчик» проекта — Государственный департамент — выразил «серьезные сомнения» в возможности «сплоченной совместной работы» со стороны групп, вошедших в состав

Политического Центра и в его «способности оставаться единым» (CIA-State Department ... , Эл. ресурс). В связи с этим было предложено ввести «испытательный срок, во время которого Политический центр мог вести ограниченную деятельность, чтобы проверить способность групп, составляющих центр, работать вместе» (Там же). Во-вторых, было предложено существенно сократить бюджет проекта, где наиболее значительные траты предполагались на организацию радиовещания. По политическим мотивам совместная работа по организации вещания на Восточную Европу и на Россию считалась нежелательной. Проекты «Свободной Европы» и освобождения России должны были развиваться по разным сценариям. Неуверенность в русских партнерах и стремление ограничить высокие расходы на их содержание скорректировали приоритеты организаторов. Основными направлениями деятельности должны были стать «публикация и распространение газеты, отражающей взгляды Центра, поддержание Исследовательского института, созданного в Германии, радиотрансляции в экспериментальном режиме» (предполагалось задействовать в ограниченном масштабе без помех для текущей деятельности некоторые мощности радиостанции «Свободная Европа» (Там же).

Дальнейшие совещания эмиграции (в том числе «висбаденское разочарование» (Климович, 2015) в Висбадене 1–7 ноября 1951 г.), хотя и не принесли кардинально новых политических решений, позволили государственным структурам США продолжить реализацию информационно-политической кампании, рассчитанной на жителей Советского Союза.

Совет освобождения народов России, созданный в ноябре 1951 г., на основе ранее достигнутых договоренностей объединил, по свидетельству одного из участников А. Авторханова, широкую коалицию: от «великороссов» — НТС, Союз борьбы за освобождение России, Российское народное движение, Союз борьбы за освобождение народов России, Лига борьбы за народную свободу; от национальных организаций — Совет Белорусской Народной Республики, Азербайджанский Народный Совет, Грузинский Национальный Совет, Туркестанский национальный комитет, Союз за свободу Армении, Северокавказское антибольшевистское национальное объединение (Карпов, 2000: 109). Объединение возглавил С.П. Мельгунов.

В 1952 г. после долгой дискуссии по национальному вопросу Совет был преобразован в «Координационный Центр Антибольшевистской Борьбы» (КЦАБ). Устав Координационного центра отразил в полной мере представления американских стратегов о необходимой им эмигрантской организации. Создаваемый Центр являлся «органом борьбы за свободу народов, населяющих территорию Советского Союза» (Revised translation of the Statute..., Эл. ресурс), а не широким объединением всей эмиграции. В связи с этим российские организации, которые принимали в нем участие, не должны были рассматривать себя в качестве «прообраза» будущего российского правительства, равно как и организации, представляющие другие национальные группы, в качестве представителей созданных в будущем национальных государств. В дальнейшем эта эмигрантская организация (во всех ее политических трансформациях, сопровождавшихся новыми названиями, сменой участников и т. д.) полностью контролировалась американскими спецслужбами через «Американский комитет освобождения народов России» (Карпов, 2000: 110).

Эйфория американских государственных структур от возможности использования русской эмиграции в антисоветской борьбе уступала место трезвым расчетам. В начале 1950-х гг. критика отдельных аспектов взаимодействия сменяется общим недовольством. Координатор ЦРУ по связям с Американским комитетом по освобождению народов России называет проект «почти полным провалом», где «слишком много было заплачено не тем людям» (Lucas, 1999:148). В докладах ЦРУ все чаще звучит мысль, что «открытая борьба с большевизмом сама по себе не требует единства эмиграции...»

(The role of Soviet emigration ... , Эл. ресурс). Ресурсы эмиграции могут быть использованы по различным каналам и не обязательно через организацию, объединяющую все группы. Границы политических объединений должны определяться исходя из возможности поддержания организации в рабочем состоянии, избегая хаоса политических и общественных дискуссий и склок (Там же).

Ставка на политические объединения эмиграции уступает место планомерной работе на идеологическом фронте с задействованием всего арсенала доступных американскому правительству средств и возможностей как внутри страны, так и за рубежом. Американские спецслужбы продолжают привлечение отдельных лиц и организаций русской эмиграции через американские общественные организации, но эта поддержка будет носить крайне избирательный характер. Не вписавшаяся в политический тренд русская политическая эмиграция будет предоставлена себе и позабыта на несколько десятилетий. Эмигрантская жизнь будет пронизана ощущением «безвоздушного пространства», когда интеллектуальные силы иммиграции были вынуждены творить в «физически неизменно убывавшей среде» без возможности ее расширения за счет российского читателя или слушателя (Вишняк, 2005: 377). Ситуация изменится, когда в рамках очередной правительственной инициативы (по прямому указанию Президента США) будет создана еще одна объединяющая всю русскую эмиграцию организация — Конгресс русских американцев. Но это уже история 1970-х годов.

Использованные документы американских государственных организаций убедительно свидетельствуют, что с начала холодной войны русская эмиграция находилась в поле зрения американской разведки, отслеживавшей все основные тенденции общественной жизни русских изгнанников. Для эффективного использования интеллектуального и кадрового потенциала этой социальной группы в борьбе с СССР Государственным департаментом США был разработан план объединенного антикоммунистического фронта, как коалиции общественных и политических организаций диаспоры, ведущих активную пропагандистскую работу с населением Советского Союза. Проект был реализован Центральным разведывательным управлением в 1950–1952 гг.

В ходе проекта были созданы «Американский комитет освобождения народов России», замкнувший на себя все вопросы координации деятельности русской эмиграции и выступавший в роли прикрытия американских спецслужб, и объединенный политический центр эмиграции — Совет освобождения народов России.

Идеологической платформой Совета стало «непредрешенчество», откладывающее согласование планов государственного строительства до момента полного уничтожения коммунистического режима и народного волеизъявления, что полностью соответствовало американскому подходу к русским делам, нацеленному на ослабление и разрушение противника при отсутствии каких-либо проработанных планов обустройства посткоммунистической России. Уже на стадии планирования из состава будущей коалиции были исключены политические группы, имевшие собственные представления о будущем национально-государственном устройстве. Подбор участников объединения осуществлялся исходя из главной задачи — создания инструмента политической войны. В инициативные группы включались общественные деятели, которые уже имели опыт ведения антисоветской борьбы, были готовы к любой конфронтации, и открыты для взаимодействия или уже работали с американскими спецслужбами.

Процесс консолидации политических сил русской эмиграции стал одной из первых операций американских спецслужб по созданию объединенного общественного фронта как инструмента идеологической борьбы с противником. Политическое объединение оказалось не столь эффективным, как ожидалось, что привело к перераспределению сил эмиграции на другие направления политической войны. Вместе с тем ал-

горитм мобилизации политической эмиграции через создание объединенных фронтов и национальных комитетов спасения, отработанный на русской диаспоре в конце 1940-х годов, был многократно использован в дальнейшем и до сих пор остается в американском арсенале средств информационно-психологической войны. При дальнейшем ухудшении российско-американских отношений избежать подобных сценариев вовлечения русской эмиграции в противостояние с оставленной Родиной будет возможно при сохранении и развитии диалога между общественными объединениями диаспоры и институтами российского гражданского общества. Организация такого взаимодействия должна стать одной из актуальных задач современной политики в отношении соотечественников за рубежом, разработанной с учетом исторического опыта эмиграции XX столетия, когда энергия и интеллектуальные ресурсы русских изгнанников, к сожалению, использовались в национальных интересах совсем других стран.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны»: середина 1940-х–середина 1960-х гг. М., 2008.
- Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб., 2008.
- В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: сб. статей и документов / сост. Карпов В.С. и др., под общ. ред. А.В. Попова. / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. III. М., 1997.
- Вишняк М. Годы эмиграции. 1919–1969. СПб., 2005.
- Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.: пер с англ. / сост. и авт. вступит. ст. И.М. Ильинский. М., 2006.
- Карпов С.В. Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза // Зарубежная Россия = Russian Abroad: 1917–1939 / отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 2000.
- Кеннан Дж. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 81–98.
- Климович Л.В. Попытка объединения российской эмиграции в 1950-е годы (по материалам совещаний эмигрантских организаций в Фюссене, Штутгарте, Висбадене) // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 268–279.
- Кодин Е.В. Гарвардский проект. М., 2003.
- Нитобург Э.Л. Русские в США. История и судьбы: 1870–1970. М., 2005.
- Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 54–70.
- Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.
- Филиппов С.В. США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство. М., 1973.
- Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.
- Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедев, М.В. Назаров, А.В. Окороков. М., 2001.
- Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.
- Albanese D. In search of a lesser evil: anti-soviet nationalism and the cold war : Diss. Boston, 2015.
- Anti-communist minorities in the U.S.: political activism of ethnic refugees / ed. by I. Zake. New York, 2009.
- Blum W. Killing hope: U.S. military and CIA interventions since World War II. Monroe, 2004.

CIA — State Department Reservations about Broadcasting to the Soviet Union, September 06, 1951, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Эл. ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114364> (дата обращения: 28.05.2017).

Cohen G.D. In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order. New York, 2012.

Diamond S. Compromised Campus: The Collaboration of Universities with the Intelligence Community, 1945–1945. Oxford, 1992.

George F. Kennan on Organizing Political Warfare, April 30, 1948, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Эл. ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114320> (дата обращения: 15.05.2017).

Inauguration of organized political warfare: Cold War organizations sponsored by the National Committee for a Free Europe / Free Europe Committee / ed. by K. K. Lynn. Saint Helena, 2013.

Kelley Memorandum on Utilization of Russian Political Émigrés, May 03, 1949, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Эл. ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114325> (дата обращения: 7.05.2017).

La Feber W. America, Russia, and the Cold War, 1945–2002. New York., 2004.

Lucas S. Freedom's war: the American crusade against the Soviet Union. New York, 1999.

O'Connell Ch. Social structure and science: Soviet Studies at Harvard. Ph.D. Diss. Los Angeles, 1990.

Office of Policy Coordination and Free Europe Committee Officials Brief J. Edgar Hoover,” April 19, 1949, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Эл. ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114324> (дата обращения: 21.05.2017).

Office of Policy Coordination History of American Committee for Liberation,” August 21, 1951, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Эл. ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114354> (дата обращения: 26.05.2017).

Problems and programs of the Russian émigré (1954). Survey based on IR-6593, May 14, 1954, DRS, OIR, Department of State [Эл. ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-03362A002200040002-9.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

Puddington A. Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Lexington, 2000.

Recommendations on Utilization of the Russian Emigration, April 26, 1950, History and Public Policy Program Digital Archive, Obtained and contributed to CWIHP by A. Ross Johnson [Эл. ресурс] // Wilson Center Digital Archive. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114336> (дата обращения: 19.05.2017).

Revised Translation of the Statute of the Coordinating Center of Anti-Bolshevik Struggle. AMCONGEN, Munich, 25.11.1952// CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-01065a000300060010-8> (дата обращения 02.05.2017)

Russian Emigrant organizations. Information report. 29.03.1950 [Эл. ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R004400040003-3.pdf> (дата обращения: 24.04.2017).

Russian Émigré organizations. Information report. 10.07.1951 [Эл. ресурс] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00926A003800030004-5.pdf> (дата обращения: 18.04.2017).

Russian Émigré politics. Ed by George Fischer [Эл. ресурс] // CIA. URL:
<https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80r01731r000500560009-1.pdf>
(дата обращения: 15.04.2017).

Yossi S. The Frontier of Loyalty: Political Exiles in the Age of the Nation-State. Ann Arbor, 2005.

Н.М. КАРАМЗИН И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Значение Н.М. Карамзина как историка Древней Руси трудно переоценить. Первые тома «Истории государства Российского» стали рубежом, разделившим всю отечественную историографию древнейших веков нашей истории на «до» и «после» Карамзина. Как талантливый писатель Карамзин впервые сделал древнерусскую историю предметом общедоступного, захватывающего по-своему повествования. Он показал и доказал образованным современникам, насколько не уступала она величию истории иных стран. Как исторический мыслитель, он сделал шаг от утопических в основе этико-политических схем историков XVIII в. к основанной одновременно на традиции, вере и государственной прагматике оценке исторических событий. Но этим значение далеко не исчерпывается. Карамзин первым создал подлинную научную историю первых веков русской государственности.

Историки XVIII в. были, мягко говоря, весьма вольны в обращении с историческими источниками — что нередко вводит в соблазн и не учитывающих это обстоятельство современных исследователей. К середине XVIII в. представители обновленной русской историографии «догнали» европейскую историческую моду по крайней мере в одном. Они перестали измышлять источниковые свидетельства «для красного словца» (или легко доверяться измышлениям своих «помощников», как В.Н. Татищев). Но в других отношениях российская историческая наука, в послепетровской России выстраиваемая заново на новых и еще непривычных началах, пока отставала. Слабость (а вернее, отсутствие) привычной сейчас для любого ученого источниковедческой критики особенно заметна именно в историях Древней Руси. И для М.В. Ломоносова, и для М.М. Щербатова нет ни малейших сомнений ни в достоверности описываемых в летописях событий, ни даже в их датах. О том, каким образом вся эта информация сохранялась у народа бесписьменного на заре государственности, историки как будто не задумываются. Более того, предания или домыслы летописей XVI и даже XVII в. в их глазах абсолютно равноправны со свидетельствами уже известных древнейших текстов. Выбор между противоречащими свидетельствами крайне редко делается методами научной критики — чаще по моральным и политическим соображениям. Последние провозглашаются при этом вполне открыто, как повелось со времен В.Н. Татищева.

Карамзин произвел здесь настоящую революцию, одновременно продемонстрировав, что трезвый подход отнюдь не вредит «достоинству» русской истории — напротив, ставит его на прочную базу. «Историческая Критика» для него — несомненная добродетель. Он весьма сурово (иногда скорее излишне сурово, хотя для своего времени и неизбежно) разделался с известиями поздних летописей о древнейшей русской истории. Им нашлось место в основном в примечаниях, как не заслуживающим доверия «басням». Только самые известные уже в литературе сюжеты (о Гостомысле, о Вадиме) попадают, с весьма критичными оговорками, в основной текст.

Вот несколько ироничная и, вероятнее всего, в целом справедливая оценка приводимой В.Н. Татищевым «Иоакимовской летописи» якобы конца X в. (впрочем, на последнем даже Татищев, в отличие от некоторых своих современных апологетов, настаивать не рискнул):

«Сию шутку многие приняли за истину и начали с важностию говорить о Летописце Иоакиме. Но слова Татищева: “Вениамин монах [якобы писец летописи для ин-

форматора Татищева — С.А.] токмо для закрытия вымыслен” — доказывают, что речь идет о *вымыслах*. Басня о князе Словене, Изборе и проч., давно известна. Другие мнимые Иоакимовы сказания явно принадлежат к той же Категории. Слог их есть новой... Всего решительнее следующее замечание: доказано ли, что Анна, супруга Владимирова, была Греческая Царевна, родная сестра Императоров Василия и Константина? Без сомнения: не только современные Немецкие, Арабские, но и Византийские Летописцы единогласно то утверждают. Как же Иоаким, приехавший с Анною в Россию, мог считать ее княжною Болгарскою? Видим причину сего вымысла: не зная, что Кедрин и Зонара именуют Владимира зятем своих Императоров; не зная ни Дитмара, ни Эль-Макина, Татищев сомневался в истине Несторова повествования и хотел исправить мнимую ошибку, говоря: “сие ко изъяснению древности и Несторова темного сказания много служит, доколе полнейшая тех времен История сыскаться может”. Повторяю, что он не мыслил обманывать: это затейливая, хотя и неудачная догадка» (Карамзин, 1988: XV).

А вот здравая оценка ранней летописной хронологии IX–X вв. (при том, что Карамзин использует ее, за что здесь и извиняется):

«Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно он не имел никаких письменных памятников для нашей *древней* Истории, и считает годы со времен Императора Михаила, как сам говорит, для того, что Греческие Летописцы относят первое нашествие Россиян на Константинополь к Михайлову царствованию. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями Византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего летописца в разсуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летоисчисление кажется сомнительным. При Дворе Великих Князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память Варяжского завоевания и первых Государей России; но вероятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную Хронологию: одно ее соображение с Хронологию Византийскою, принятою ими вместе с Христианством, не могло ли ввести нашего первого Летописца в ошибку? Впрочем, мы не можем заменить летосчисления Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем Историю Государства Российского с 862 года» (Карамзин, 1988: 31–32).

Оценка Н.М. Карамзиным уже известного образованным людям его времени былинного эпоса как исторического источника также весьма отличается в здравую сторону от доверявшего ему по смутной памяти о слышанных песнях В.Н. Татищева:

«Кроме преданий Церкви и нашего первого Летописца о делах Владимировых, память сего Великого Князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском, Александре с золотою гривною, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвече, грозе печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях (прим. 491: См. Никон. Лет. Мощи Ильи Муромца, известного нам только по сказкам, хранятся в пещерах Киевских). Сказки не История; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и Князя Владимира достойно замечания; тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами,

усердием к Христианству, любовью к Наукам, живут донныне и в сказках богатырских» (Карамзин, 1938: 141–142).

«История» В.Н. Татищева представляла собой сводную, хронологически организованную летопись с авторскими комментариями. В ней не находилось или крайне мало находилось места для событий иной, кроме политической, истории. Тем более не создавалось связной картины древнерусской жизни — культурной, правовой, социальной, экономической, — на фоне которой разворачивались описываемые события. «История» М.М. Щербатова уже не скована летописной формой, но также в основном следует за хронологией «фактической» истории. Отдельные нравственные и бытописательные сентенции автора дают не больше представления об обществе и повседневности Руси былых времен, чем комментарии Татищева.

Карамзин первым осознал, что подробное и самостоятельное описание древнерусской жизни является непременным условием понимания и живого восприятия древнерусской истории. Соответственно, в своей «Истории» он посвящает целые главы, специально для этого отведенные, общим описаниям повседневности, общественного устройства, права, культуры и веры, хозяйства древних славян и Руси. Поскольку Историограф имел возможность опираться только на письменные источники, и далеко не на все, постольку эти описания сравнительно невелики в сравнении с трудами современных ученых.

Однако они имеют весьма большое значение. Не только описываемые в летописях события и понятия наполняются новой жизненностью. Не только появляется у читателя возможность оценить отличия, инаковость описываемого общества по сравнению с ему известным. Не менее важно и то, что становятся видны и ясны многие прежде безымянные и безликие для историков Руси процессы. Так, подробный очерк «О физическом и нравственном характере славян древних» показывает развитие их общества еще до Рюрика, в том числе и формирование представлений о монархической власти (важнейший для Карамзина аспект). А значит, с варяжского князя совершенно снимается единоличная «ответственность» за появление Русского государства — в какой-нибудь не сомневались «антинорманисты» XVIII в. наподобие М.В. Ломоносова, и (судя по пылу дискуссии) не сомневаются многие «антинорманисты» нынешние. В отличие от «норманиста» Карамзина.

Историография XVIII в. создавалась в стране, активно доказывавшей и отстаивавшей свое место под солнцем, жадно впитывавшей, изучавшей, пробовавшей на вкус посторонние и подчас чуждые идеи. Она была одержима немалым числом комплексов и соблазнов, сполна отразившихся на страницах трудов историков. Карамзин создавал «Историю» для страны, уже привыкавшей, если не вполне привыкшей к неоспоримому величию, страны научившейся, ученой и уже кое в чем превосходящей «учителей». В его описании древнерусской истории восхищение героикой старины и прекрасный литературный слог сочетаются с трезвомыслием и объективностью. Русская историческая мысль в его лице обрела мудрость подлинной науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Т. 1.

**«ДРУГ ЦАРЕЙ, ВЕРНОПОДДАННЫЙ РОССИИ»
ПОХВАЛА ГЕНИЮ Н.М. КАРАМЗИНА**

В России сильный консервативный мыслитель — это всегда хороший писатель.

В противном случае всё, что им написано, теряет силу и смысл очень быстро. Статьи, трактаты, исследования, монографии — да что угодно! — оказываются на той полке, откуда их извлечет лишь холодная рука исследователя, но не жаркий интерес человека, ищущего совета в высоких проблемах бытия. Политика ли, экономика ли, религиозная ли сфера — никакой разницы! Слабость художественная обрекает всякое умственное достижение в гуманитарной сфере на библиотечную пыль в много слоев, ставит меж ним и широкой образованной публикой почти непроницаемый барьер.

У нас всё завязано на слово, а если взглядеться в суть вещей, то — на Слово. Тот, кто Слова не ведает или словом не владеет, обречен, даже имея мыслительный дар самой высокой пробы, превратиться в черепок на одном из стендов интеллектуальной археологии: такой-то сделал выдающий вклад в культуру, общественную мысль, консервативную традицию и т.п., нужно подчеркнуть.

Николай Михайлович Карамзин — как и Леонтьев, например, или, скажем, Розанов, или, в меньшей степени, Хомяков, — являлся великим консерватором, одним из величайших за всю императорскую эпоху. Отчего ж? За всяким умопостроением, за всяким элементом исторической системы, стоит у него живой образ, живым словом выписанный. И по сию пору образы Карамзинские — словно следы золотой вышивки на академических холстах, где по старинному узору сто раз прошла конвейерная серость, глыбовость, неудобьсказуемость, но под напластованиями строгого научного угрюмства видны еще блёстки литературного гения.

Карамзин — один, сам по себе! — целая эпоха в русской истории и литературе. До него Россия даже в героическую эпоху наполеоновских войн видела в своем прошлом какую-то чаадаевскую околесицу: междоусобные драки князей, невнятный деспотизм царей, передвижения непросвещенных громадных масс в чащобы и к берегам дальних морей, по внешней видимости лишённые высокого смысла. Какая-то кочевая азиатская страна, приграничье Европы, которое Петр Великий вписал в европейские окраины, и вот тогда-то, всего пару поколений назад, и началась — Жизнь! Молодой русский дворянин высокого рода знал написанное Плутархом и Тацитом, боготворил Фемистокла, восхищался Солоном, мечтал о судьбе Цезаря; ему грезилась европейская державность времен Карла Великого, ему сердечно дорог был героизм крестовых походов. Вот только о своей, русской истории он мог не знать равным счетом ничего. Или же — так, на золотничок, сплетни старшего поколения о екатерининских временах, да отблески всеобщего, бонтонного восхищения Петром I Европеизатором... Величавые дела православной веры, мужество дальних предков и политическая мудрость российских государей оказывались для него тайной за семью печатями. Он, бывало, и русского-то языка не знал! А если знал, то — всё равно! — не имел под рукою вполне современного по форме исторического повествования о жизни старой России.

Чем ему любоваться в русской старине? Кому сопереживать? Какие образцы героизма, высокой нравственности и духовного подвижничества брать для строительства собственных идеалов в прошлом родного Отечества, когда историческая литература скудна, архаична по форме, тяжела в повествовании...

История России для русского интеллектуала, жившего в начале XIX столетия, являлась чем-то столь же чужим и ненужным, каковы, например, история славного Та-

джикистана или анналы производства силикатов для образованного русского гуманитария наших дней.

И вот является Карамзин со своей «Историей государства Российского» и дарит современникам то, чего они оказались лишены: свою историю, изложенную так же красиво, как европейская или античная; своих героев, живших, творивших, сражавшихся с неменьшим благородством, смелостью и высотой духа, чем Солоны, Фемистоклы, крестоносцы.

«Пусть греки, римляне пленяют воображение... — писал Карамзин, — но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое... сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем... Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей... однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних».

Николай Михайлович дал русскому обществу эти картины и эти характеры. Оно хвалило Карамзина, ругало, возносило, мешало с грязью, но с неизменным упоением читало новые и новые тома «Истории государства Российского», напиваясь теми умственными яствами, по которым испытывало смутную тоску, еще не зная, как назвать их и откуда взять. Карамзин угадал тайную тоску России по своим героям, а потом насытил ее своими трудами.

Этим он велик.

Прав был Н.Н. Страхов, когда писал о Карамзине: «Великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы, а главное — человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподданный России». Именно *создатель русской истории* — не Татищев, не Щербатов, подавно не Болтин, крупные историки XVIII столетия, а именно Карамзин создал тот большой исторический миф России, который составил ядро представлений русских о своей стране от племенной эры до Смутного времени.

Но почему же именно консерватор?

Да, патриотизм его огромен и не вызывает ни малейших сомнений. «История государства Российского» в какой-то степени представляет собой один громадный многотомный ответ всем «французикам из Бордо». Высоко ставя европейскую культуру, блага просвещения, научные достижения Запада, Карамзин стоял за сохранение Российской максимальной самостоятельности во всем, не исключая сферу мысли.

Николай Михайлович год за годом строил то, чего не существовало во времена его молодости, то, что сейчас называют национальным самосознанием. Вот его собственные слова из знаменитой записки «О древней и новой России»: «Деды наши, уже в царствование Михаила [Федоровича] и сына его [Алексея Михайловича], присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как благоприятствовало оно любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому легче было покорить Россию — неверным или братьям? т.е., кому бы она, по вероятности должна была более противиться? При царе Михаиле или Федоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших госу-

дарственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России».

Однако «любовь к отеческим гробам» и апология национальной традиции делают мыслителя патриотом, но еще не консерватором. Только тогда ясно видно, что некий мыслитель консервативен, когда он призывает к сохранению фундаментальных основ общественной жизни, без которых социум, по его мнению, погрузится в пучину развала и падения.

Что ж, в этом смысле Карамзин ясно выразил свою позицию. Николай Михайлович — несомненный монархист, притом сторонник монархии неограниченной и сильной.

По его словам, «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разнотерпимости, а спасалась мудрым самодержавием». В другом месте: «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее, она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»

Карамзин выразил безусловную уверенность в том, что Россия цела, пока цело самодержавие. А значит, гибель его, ослабление или порча скажутся на стране самыми разрушительными последствиями: «Самодержавие есть Палладиум России: целостность его необходима для ее счастья».

В такой же мере Карамзин — христианин, глубоко верующий человек. Православие для него — «святая вера», равно необходимая России для процветания, как и сильная монаршая власть.

Так, Николай Михайлович предварил «Историю государства Российского» следующими словами: «Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила *мудрого самодержавия и святой веры* более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия...»

В зрелые годы Карамзин выказывал в своем поведении, публикациях и домашнем быте полную приверженность православию. Как в жизни, так и в смерти Николай Михайлович оставался христианином. Историк был похоронен на Ново-Лазаревском кладбище. Погребение его происходило с полным соблюдением православного обряда.

Естественно, от либеральной публики, что двухсотлетней давности, что нынешней, Карамзин без конца получает и получает презрительные оценки. «Тормоз общественного развития»... воспел «прелести кнута»... раболепствовал перед царями... Ну и... что там еще, в стандартном наборе? Мракобес? Защитник деспотизма? Лютый крепостник? Можно добавить по вкусу, ингредиенты известны, вот уже лет двести с гаком их сыплют в горячую кашу, чтобы затем облить ею очередного русского консерватора.

Тут ничего удивительного: враг.

Да еще какой враг! В ту пору, когда русская масонерия, декабристы и прочая радикалия молилась на Французскую революцию, бредила военным переворотом и алкала цареубийства, Карамзин, собственными очами видевший всю кровопийственность якобинства, революцию проклинал.

По его мнению, «ужасы Французской революции отучили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства». Ах, если бы! Против такой заразы иной раз и хирургические методы не помогают. Но, как минимум, в теории Карамзин остался прав. Суть разрушительной функции революционерства историк передал превосходно: «Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения

власти: один час народного иступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей».

Удивительно другое: в наши дни отчаянные патриоты ругают Карамзина. Дескать, масон, враг России, враг монархии, лукавый агент чужих злобных сил.

Спор о том, сколь сильна и продолжительна в творчестве Карамзина масонская мелодия, — давний. Еще А.Н. Пыпин обвинял историка в том, что силен привкус масонства в его идеях. Тот же Н.Н. Страхов решительно отвечал: «Г. Пыпин уверяет, что масонство имело неизгладимое влияние на Карамзина. Неправда! Карамзин ему не поддался...» И, действительно, недолго побыв в масонах, Николай Михайлович совершенно от них отвратился. Позднее он принципиально не имел с ними общих дел.

Ныне Карамзина опять окунают в масонское подполье, отбирая у него честь русского государственного человека, доброго христианина и царского слуги. Обвинения эти основываются, главным образом, на свидетельствах... самих масонов высокого градуса, когда-то лукавым образом порочивших Карамзина, который покинул их ряды, чтобы уже не вернуться назад до конца жизни. Эти «свидетели» хотели бы замарать Карамзина перед властью, а потому щедро приписывали ему то, чем сами жили и чем он побрезговал.

Кляузы двухвековой давности получили в русском патриотическом сообществе наших дней до странности широкое распространение. Николая Михайловича винят прежде всего в том, что он, выполняя некое задание «вольных каменщиков», скверно отозвался о первом русском царе Иване IV.

В наши дни широко разлившаяся любовь к государю Ивану Васильевичу есть отчасти ответ на либеральное к нему презрение в 90-х, отчасти — ответ естественного народного желания по-опричному посадить на кол всех псов Запада и коррупционеров, каковые видны в правительственных сферах (да и ниже, до уровня простых чиновников), отчасти же — нота в большой хвалебной песни о Сталине, звучащей ныне на каждом углу. Сталин Грозного любил, Сталин, как и Грозный, тоже много казнил, так восславим же царя за его сходство со Сталиным! — вот лейтмотив очень многих выступлений в публичной сфере. Мало кто обращает внимание на то, что Иван IV и Сталин фигуры бесконечно разные — и культурно, и психологически, и политически.

Как ни парадоксально, громогласная хвала Ивану Васильевичу имеет в наши дни больше «левого», «красного» в своей консистенции, нежели консервативного и христианского.

Ну а теперь стоит разобраться с тем, что именно, как и почему писал Карамзин об Иване Грозном.

Прежде всего, для тупой и незамысловатой задачи «очернения» Николай Михайлович написал о государе слишком много хорошего. Укоряя Ивана IV в чудовищной жестокости, называя его тираном и мучителем, Карамзин все же не забывал отдать должное и его положительным свойствам: помянул добрым словом царский «превосходный разум» и обширные знания; отметил строительство многочисленных городов, крепостей; похвалил ревностную неутомимость царя в государственной деятельности: «Любил правду в судах, сам нередко разбирали тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно, казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом».

«Черное» и «белое» перемешаны тут в равных пропорциях. Точнее, у Карамзина просто нет чисто черной и чисто белой красок. Он любил обсудить с читателями облик и деяния монархов. Порой высказывался критически (и не только об одном Иване IV, но и, например, о Екатерине II, хотя и восхищался царствованием ее). Но что в том необычного? Что в том худого? За свирепость обличал Ивана IV еще святой Филипп, митрополит Московский. Об иной монаршей особе, императрице Евдоксии, гневные

слова произнес св. Иоанн Златоуст. А святой Амвросий Медиоланский спорил с императрицей Юстиной, и та уступила.

Царский сан требует обязательного почтения, но царь как человек не свят не безгрешен.

Историк создал сложную, наполненную трагическими нотами историю нравственного роста и падения Ивана Грозного. Против монаршего сана он не выступил нигде, но жестокость государя он показал как нечто ненужное и к добрым последствиям отнюдь не приведшее.

Напротив, Карамзин сочувствовал старомосковскому самодержавию. Отступление от него, как полагал историк, приводило к правлению «многоглавой гидры аристократии», намного более тяжелому и вредному для страны.

Так, по словам Карамзина, поскольку в детстве Иван IV не мог иметь действительной власти, а его мать, регентша Елена Глинская «...действовала по внушениям совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребления власти». В 1547 году, после подавления большого бунта, вызванного самовольством той же аристократии, государь Иван Васильевич ведет себя с подлинным величием, защищая истинное право самодержца: «Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совете, причастился святых тайн», — затем последовало принятие царского титула и женитьба на Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

Падение произошло с годами. Под пером Карамзина оно предстало увечьем для личности государя. Но и после того, как проявились горькие признаки падения, Карамзин все же не прибегает воднозначному очернительству в отношении царского характера, а рисует его живо, в красках яркой жизненной силы, противоречивости и тяжелой внутренней борьбы.

«Любопытно видеть, как сей государь, — пишет Карамзин, — до конца жизни усердный читатель христианского закона, хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно вился перед Богом и людьми, называл себя гнусным убийцею невинных, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным иноком!»

А что следовало написать Карамзину? Выдать солнечное повествование о немислимо совершенном, мудром, стратегически мыслящем победителе всех и вся? Но это невозможно без лжи. Если взглянуть на плоды царствования и удержаться от укоризн по поводу страшного кровопролития, то все-таки еще не исчезнут другие укоризны: Москва была взята и сожжена татарами, чего не водилось со времен Дмитрия Донского; большая война Ливонская оказалась проиграна, русские города и земли с православным населением оказались под властью иноземцев, иноверцев; святой Филипп подвергся убийству от руки опричника, и тот вместо наказания был пожалован. Зачем надо все это «сглаживать»? Требуется ли от историка Бог лгать о язвах Отечества ради «текущего момента», «единения народа» и «политической необходимости»? Нет, ниче-

го такого нет в нашей вере. Напротив, рассказывать надо то, что было на самом деле, всё прочее — низость.

Так в чем следует обвинять Карамзина? В том, что он не захотел превращать русскую историю в набор лозунгов? В том, что он поставил истину выше агитационных удобств «текущего момента»? В том, что он презрел ура-патриотическую простоту во имя сложности действительной истории?

Так это следствие добродетелей его, а не злокозненности ума.

Очень хорошо, что Карамзин был сложен. Очень хорошо, что Карамзин был правдив. Очень хорошо, что он не пожелал к сверкающему дворцу русской истории пристроить фанерный халупник ложных достижений и ложного благочестия.

Поведал правду. Таким и следует быть настоящим консервативным историкам. Во имя Бога и народа своего — не лгать!

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ: У КОРМИЛА ВЛАСТИ

Елена Глинская, мать первого русского царя, происходила из литовско-русского рода с сербскими и татарскими корнями. Её матерью было Анна Стефановна, дочь сербского воеводы Стефана Якшича. Мужем Анны стал владевший обширными землями князь Василий Львович Глинский. Он происходил от Алексы, сына эмира Мансура. В 1392 г. Алекса, присягнув литовскому князю Витовту, крестился и принял в крещении православное имя Александр. Потомки его прожили на дарованных им землях до 1508 г. В том году за предательство князя Михаила Львовича, который в период русско-литовской войны перешёл на сторону Москвы, Глинские были высланы, а их земли конфискованы в пользу государства. С разрешения Василия III они поселились в России, где им были пожалованы города Ярославль и Боровск.

Однако Михаил не долго оставался преданным Москве. В следующей русско-литовской войне он участвовал в качестве военачальника головного полка в победоносной битве за Смоленск 1514 г. Михаил надеялся получить Смоленск в дар. Обиженный тем, что Василий не наградил его по достоинству, Глинский пытался перейти на сторону Литвы. Из-за этого он просидел до 1527 г. в московской тюрьме. Выпустили его по просьбе племянницы, уже великой княгини Елены Глинской под неслыханный по тем временам залог в 5 тыс. рублей от сочувствующих Глинским бояр.

Елена вышла замуж в 1526 г., когда ей исполнилось 16 лет, а Василию III было 47. Это был второй брак великого князя. Его первой супругой была Соломония Сабурова из старинного московского рода, с которой он прожил в браке 20 лет. Однако детей у супругов не было, что и послужило основной причиной развода. В ноябре 1525 г. Соломония, под именем София, была отправлена в Московский Богородице-Рождественский монастырь, откуда позднее переведена в Суздальский Покровский монастырь. Сторонниками развода были приближенные бояре, обеспокоенные тем, что за неимением наследников после смерти Василия трон может перейти к его братьям. Из-за противодействия разводу лишился сана митрополит Варлаам.

Спустя недолгое время Василий женился на Елене Глинской. Окружение царя не было довольно его выбором. Во-первых, в глазах родовитого московского боярства Елена считалась «безродной», а во-вторых, её дядя Михаил Глинский сидел в тюрьме за измену. Однако Василий, поражённый красотой и умом юной Елены, вопреки воле приближённых бояр женился на ней «лепоты ради ея лица и благообразия возраста, наипаче же целомудрия ради». Василий и сам был красив и умён, о чём свидетельствовали не только современники царя, но и сохранившийся до наших дней его портрет. Обращает на себя внимание сходство Василия III с портретами его матери Софьи Палеолог, и сына Ивана Грозного. Родственность выдаёт характерный крючковатый нос.

Итак, Василий был влюблён и счастлив. Чтобы понравится невесте он даже сбрил бороду и сменил традиционные царские одежды на модный в Европе польский кунтуш. Наряд довершали красные сапоги с загнутыми носками. Стоит подчеркнуть что для начала XVI века такой поступок считался аморальным и безрассудным, так как царская одежда являлась частью традиции и ритуала царского дома. При царском дворе велась книга царских выходов, где указывалось в какой день и по какому случаю царь должен был одеть ту или другую одежду. Во многом царская одежда походила на боярскую — шелковая рубашка, зипун из бархата подложенный атласом и униженный жемчугом с пристёгнутым стоячим ожерельем и ферязь (вид верхней одежды без воротни-

ка, как с рукавами, так и без). Однако царский костюм имел и свои особенности, например, только царь имел право носить становой кафтан, выполненный из щёлка и отделанный золотым кружевом и жемчугом, длиною в пол, кафтан имел широкие рукава и должен был очень плотно облегать фигуру для чего на поясе сзади были сделаны специальные перехваты, при этом застёгивался он только на груди на пуговицы, выполненные из золота с рубинами и сапфирами. На становой кафтан надевалось царское платно (царская парадная верхняя одежда наподобие опашня) из золотой парчи, украшенное драгоценными камнями на тафтовой или горностаевой подкладке. На платно надевались бармы — наплечный воротник (оплечье) круглого фасона, расшитый жемчугом, драгоценными камнями и украшенный изображениями святых. Завершением ритуала облачения царской особы являлось надевание золотого креста на массивной цепочке поверх барм и водружение шапки Мономаха на голову. На ноги надевали чоботы — бархатные или сафьяновые сапоги белого, красного, зелёного или голубого цвета с короткими голенищами, расшитые золотом и жемчугом, сделанные из бархата или сафьяна, в основном, богато расшитые золотом, а иногда и жемчугом. Во время торжеств в руках царь держал скипетр и державу, в то время как в обычные дни — посох.

В конце 1526 года Василий вновь обеспокоился. Молодая супруга так и не забеременела. И супружеская пара спешно едет на поклон к Тихвинской иконе Богоматери. С 1526 по 1528 гг. царь посещал один за другим русские монастыри, раздавая милостыню и молясь о чадорождении, но все тщетно.

Лишь тогда с Василия была снята епитимья, наложенная по его просьбе для очищения от греха двоеженства. Отмолив грех расторгнутого с Соломонией брака Василий решил заложить моленную церковь в Коломенском. В 1528 г. из Италии был выписан известный архитектор Пётр Франциск Анибале, который и приступил к строительству церкви Вознесения Господня. Впоследствии церковь Вознесения стала центром церковного и усадебного комплекса в Коломенском. В 1529 г. Василий, уже почти отчаявшись, прибегнул ко гробу святого старца Пафнутия Боровского.

И вот 25 августа 1530 г. у Василия III и Елены родился долгожданный первенец. Через десять дней его крестили в Троице-Сергиевом монастыре. Мальчик был наречён именем Иоанн, в честь Иоанна Крестителя. В ноябре 1531 года великая княгиня родила второго ребёнка, которого назвали Юрий. К несчастью, мальчик родился глухонемым и слабоумным.

«Худородную», умную и заносчивую Елену так и не полюбили бояре, которые после рождения у царской четы сыновей стали распускать слухи о том что дети рождены от приближенного к Елене князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. И.Ф. Овчина-Телепнев служил воеводой. В 1531 г. он получил чин окольного, а в 1533 был пожалован высшим званием конюшего великого князя и фактически стал главой Боярской Думы.

Однако слухи не омрачали счастье царской четы. Василий оказался трогательно заботливым отцом. К сожалению, он не мог видеться с детьми так часто, как ему бы этого хотелось, из-за частых отъездов. Великий князь считал своим долгом самолично проверять состояние дел в своих землях, но даже в отъезде он проявлял заботу о детях и жене. До нас дошло пять писем Василия к Елене. В них он с большим беспокойством интересуется о состоянии здоровья своего первенца и дорогой супруги, советует жене, как поступить в случае недомогания Ивана и просит её впредь обязательно писать о своём здоровье и здоровье Ивана.

Василий III умер в декабре 1533 г. Елена осталась вдовой с малолетними детьми на руках. По завещанию царя к малолетнему Ивану был назначен опекунский совет из состава Боярской Думы. По всей видимости, в него вошли следующие персоны: Ан-

дрей Старицкий, дядя Елены Глинской Михаил, Василий и Иван Шуйские, Михаил Захарьин, Михаил Тучков, Михаил Воронцов. Есть основания полагать, что сама Елена, так же, как и Иван Овчина, в состав опекунского совета не вошли. Возможно, великий князь не хотел вверить своего сына и дела государства в руки молодой супруги и посчитал правильным доверить управление знатнейшим боярам. Глинский же был включён в регентский совет, вероятно, именно с тем, чтобы интересы Елены также могли быть учтены в принятие судьбоносных решений. Состав Боярской думы был в ту пору очень невелик. К концу 1533 г. в Думе состояло лишь двенадцать бояр и трое окольничих. Узкий круг аристократии сосредоточил в своих руках все высшие думские посты. Первую и в силу политических причин наиболее влиятельную группу в этом кругу составляли княжеские роды западнорусского и литовского происхождения (Глинские, Оболенские, Бельские, Мстиславские и др.). Второй группой были потомки ростово-суздальских князей (Шуйские, Ростовские, Горбатые и др.). Князья несколько потеснили представителей нетитулованного старомосковского боярства (Морозовы, Шейны, Челяднины, Воронцовы). Те, однако, не потеряли своего представительства. Между отдельными группами и родами не прекращалась борьба, часто принимавшая весьма ожесточённые формы.

Властолюбивая Елена прекрасно понимая, что регенты будут действовать в своих корыстных интересах, а не в интересах её сына и тем более страны, приняла решение бороться за власть. В Успенском соборе Москвы митрополит Даниил «поставил» Ивана Васильевича великим князем. Так закончилось, едва успев начаться, детство Ивана. Теперь вся его жизнь была подчинена церемониалу и в ней не было места детским забавам. Он давал аудиенции послам и присутствовал на торжествах, на которых без монарха никак нельзя было обойтись. При этом он невольно оказался игрушкой в руках корыстолюбивых бояр-опекунов, наиболее влиятельными среди которых были Василий и Иван Шуйские. Ненависть к ним Иван пронёс через всю свою жизнь.

Тем временем, легитимизировав властные полномочия сына, Елена перешла к следующему решительному шагу. В очень короткий срок с 1533 по 1534 гг. в тюрьму попали Михаил Глинский и еще несколько видных князей, включая старшего брата Василия III — Юрия. Год спустя, в 1537 г. та же участь постигла и младшего брата Василия III Андрея Ивановича Старицкого. Его схватили и уморили в тюрьме, а его удел был ликвидирован. Расправившись с оппозицией и потенциальными претендентами на престол, Елена объявила себя единственной регентшей и соправительницей при малолетнем Иване.

Устранив угрозу власти, Глинская приступила к решению дел государственных. Молодая женщина, не достигшая ещё и тридцатилетнего возраста, рьяно взялась за реформирование денежной системы. Причин, вызвавших необходимость проведения реформы, было несколько — во-первых, быстрыми темпами, начиная с середины XV века шёл процесс обесценивания денег. Это происходило из-за порчи денег — их обрезания, чеканки фальшивых монет, а также из-за свободной чеканки монет «под заказ» удельными князьями. При этом удельный вес монет не был фиксирован. Во-вторых, отсутствие мелкой разменной монеты в обиходе приводило к необходимости разрезания рубля на полтины, — в результате та же утрата удельного веса монет. По указу Василия III фальшивомонетчики карались смертной казнью. Однако одними репрессиями нельзя было решить назревшую проблему.

Реформирование денежной системы Елена начала с ликвидации права на чеканку монет у удельных князей. Была введена единая для всего государства монетная система. Появилась и самая мелкая, ставшая при этом самой распространённой, денежная единица — «копейка». Георгий Победоносец на обратной стороне монеты был изображён с копьём, а не с мечом, как это было на других монетах, — отсюда название «ко-

пейка». Серебряный рубль стал равняться 100 копейкам. Для борьбы с порчей монеты по указу Глинской фальшивомонетчикам и обрезчикам монет лили в рот олово и отрубали руки. Унификация денежной системы, проведённая в 1535 г., привела к оживлению экономической системы в стране.

После реорганизации денежной системы Елена приступила к реорганизации местного самоуправления. В результате её все хозяйственные дела были выведены из ведения наместников и переданы губным старостам и «излюбленным головам». Те, в свою очередь, находились в подчинении у Боярской думы, что стало началом будущей губной реформы, претворённой в жизнь сыном Елены Иваном IV.

В том же 1535 г. было завершено строительство каменного Китай-города, а уже в следующем году начали отстраивать и укреплять города по границе государства. Были заложены и новые города — Темников и Буйгород.

Решение внутренних вопросов Елене Васильевне приходилось совмещать с решением внешних проблем. Воспользовавшись неурядицами в Русском государстве и малолетством царя Ивана, литовский князь и польский король Сигизмунд в феврале 1534 г. начал войну с Россией. Основной задачей Сигизмунда было возвращение Смоленска. В июле 1534 г. польскими войсками был осаждён город Стародуб. В это время на Рязанщину напали крымские татары, и часть войск пришлось перебросить на борьбу с ними. В результате, несмотря на отважное сопротивление гарнизона во главе с Иваном Овчиной город был взят и полностью уничтожен. Военная инициатива перешла к русским в феврале 1536 г. Были совершены удачные походы под Витебск и Любеч. Сигизмунд решился пойти на перемирие. Мир был и в интересах России, которой угрожали Крымское и Казанское ханства. В феврале 1537 года был заключён мирный договор, в соответствии с которым Черниговские и Стародубские земли оставались в Русском государстве.

Елена Глинская умерла 4 апреля 1538 г. Причиной смерти послужило отравление ядом. Иван осиротел. После смерти Елены в тюрьму попал и погиб Иван Овчина. Шуйские праздновали победу. Теперь опекуны чувствовали себя полноправными хозяевами в царском дворце. В погоне за наживой они не обращали внимание на то, как выросл обездоленный монарх. Между тем, час расплаты близился. Очень скоро повзрослевший юнец станет великим реформатором, унаследовав от родителей широту ума и прозорливость. И вместе с тем когда-то брошенный опекунами на произвол судьбы мальчик, чьё взросление проходило на фоне постоянных интриг развращенных и жестоких бояр, станет деспотом, отомстив за смерть матери и свои обиды всему миру.

Г.А. Елисеев

Комплексное издание главных источников сербской историографии XIII–XVII вв.

Алексеев С.В. Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв.: Переводы и исследование. Том 1: Жития святых Симеона и Савы. Жития королей и архиепископов сербских. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 720 с. (серия «Slavica Petropolitana»). 500 экз.

Изучение истории южных славян в нашей стране всегда оставалось делом достаточно небольшой группы специалистов-славяноведов. Использование же нарративных источников по раннесредневековой истории сербов и сопредельных народов специалистами, которые работают над обобщающими исследованиями или занимаются общей исторической проблематикой (историософской или сравнительной историей славянских народов), часто сталкивалось с трудностями, связанными с отсутствием переводов наиболее известных памятников по ранней истории сербских государств. И вот эта заметная лакуна в отечественной археографии балканских стран оказалась закрыта.

Вышел полноценный перевод на русский язык большинства памятников сербской исторической агиографии XIII–XVII вв., в том числе и самого обширного из них — «Жития королей и архиепископов сербских», начатого архиепископом Даниилом II в XIV в. и законченного его учениками. Переводная часть книги разбита на два блока — первый, состоящий из трех житий святого Симеона и двух житий святого Савы, с дополнением в виде приложения, куда вошли синаксарные жития святых Савы и Симеона, а так же «Житие святого Симона» патриарха Паисия. Второй блок — это собственно «Жития королей и архиепископов сербских» с добавлением синаксарного жития Милутина, жития Стефана Дечанского и отдельного жития царя Уроша. (И это содержание только первого том запланированного комплексного издания).

Тексты памятников перевел и откомментировал известный отечественный специалист по истории славянских народов профессор, доктор исторических наук Сергей Викторович Алексеев. Он — автор научных биографий древнерусских князей Владимира Святого, Ярослава Мудрого и Игоря Новгород-Северского, а также подробного исследования ранней истории древних славян — «Славянская Европа». (В настоящее время, после ряда различных переработок и дополнений, это издание состоит из четырех томов, выпущенных издательством «Вече» в 2015 г.). Особое значение среди исторических работ С.В. Алексеева имеет новаторская монография «Праславяне», которая посвящена общей предыстории славянства начиная со второго тысячелетия до н.э.

Ранее этот специалист-славяновед уже подготовил к изданию перевод важнейшего источника по истории южных славян «Летописи попа Дуклянина». (Книга была опубликована в 2015 г. издательством «Петербургское Востоковедение» в серии «Slavica Petropolitana»).

Принципы перевода и комментирования текста, которые были опробованы при подготовке к печати «Летописи попа Дуклянина» в значительной степени легли в основу подготовки к изданию и «Памятников сербской средневековой историографии XIII–XVII вв.»

При переводе и публикации С.В. Алексееву приходилось учитывать сложность самого процесса эволюции сербской государственности на Балканах в раннем средневековье, что отразилось и на составе памятников, и на их последующем редактировании. Автор перевода специально отмечает эту смену государственных образований: «За средневековый период на сербских землях сменились четыре государства (не считая

обособившихся отдельных владений): Древнесербское княжество IX-X в., Дуклянская держава XI — первой половины XII в., держава Неманичей конца XII — второй половины XIV в., Сербская деспотовина конца XIV — XV в.».

Трудность и специфика проделанной работы тесно связана и со слабой изученностью сербских исторических памятников в отечественной историографии и уж тем более — археографии. Также влияли на подход к изучению и комментированию материала и специфические особенности исторической литературы в Сербии раннего средневековья. С.В. Алексеев не единожды отмечает, что перед нами совершенно иная источниковая ситуация, чем на Руси, где в качестве главных исторических памятников выступают летописи. В Сербии основными историческими текстами стали произведения агнографического характера, со всеми особенностями и штампами, присущими подобным памятникам. Автор перевода это подчеркивает, говоря даже о зарождении сербской житийно-исторической литературы: «Именно эта идея легла в основу первой попытки зафиксировать королевский родослов зримо — в иконописи. С начала XIV в. на стенах сербских храмов появляются рисованные родословы — “лоза Неманичей”, Отдаленно они напоминают западноевропейские “галереи королей”, вошедшие в моду в XIII в., но в целом являются сербским изобретением. Непосредственным прообразом стала “Лоза Иисуса” — иконографическое представление родословной Христа». С.В. Алексеев четко характеризует сущность и роль переведенных памятников для сербской исторической традиции: «*Жития королей и архиепископов* явились одновременно кульминацией и итогом поступательного развития исторической агнографии».

Особые трудности при комментировании перевода памятников вызвало то, что С.В. Алексееву приходилось постоянно учитывать то, что данные источники являются одновременно и историческими, и агнографическими. Поэтому ему приходилось выявлять разные смысловые слои — один, относящиеся к реальным историческим событиям, другие — к риторическим и стилистическим украшениям, а также шаблонным эпизодам, к которым прибегали авторы-создатели текстов. Вот показательный пример: «Ввиду практических целей написания жития как части *Студеницкого типика*, в *См-Св* отсутствует обычное риторическое введение. Вместе с тем зачин *Жития* содержит некоторые элементы риторики. Заметка о предыстории монастыря, обычная для типика, переходит в краткое описание мирского правления Немани и далее в столь же короткую похвалу ему как правителю и покровителю веры. Сюжет о построении монастыря, города, церкви на месте охотничьих угодий правителя чрезвычайно распространен в средневековой литературе. Однако здесь тот самый случай, когда распространенность сюжета отражает распространенность явления. Для нового строительства, тем более монастырского, естественно было избирать незанятые места, а в необжитой местности правители бывали чаще всего во время охоты. Сава, собственно, прямо ссылается на общеизвестность среди читателей *Типика* (монахов обители) истории возникновения Студеницы».

В комментариях С.В. Алексееву приходилось решать и некоторые чисто исторические проблемы, вроде точного датирования отдельных исторических событий сербской истории. В отдельных случаях рассматривалась проблема датировки: «Таким образом, нет достаточных оснований для заключения, является ли датой смерти Немани 13 февраля 1199 или 1200 г. Насколько верен финальный расчет, судить сложно не только поэтому. Не исключено, например, что сокращение монашеской жизни отца до «трех лет» произошло из-за попыток Сава согласовать сведения о сроке его правления с возрастом в момент смерти. Если данные о последнем точны, то Неманя родился в 1113/4 г. Год начала его правления Сава помещает, таким образом, в пределах 1158–1160».

В других ситуациях в ходе подробного комментирования автор смог обратить внимание на то, что данный корпус сербских источников позволяет решить вопросы, касающиеся не только сложных моментов в истории балканских народов, но и способствует разрешению некоторых проблем в изучении судьбы других славянских стран, в том числе и Древней Руси — например, вопрос о времени канонизации князя Владимира.

С.В. Алексееву при переводе приходилось выяснять и сложные проблемы многосоставности текста, возможных интерполяций и даже соавторства. Он тщательно вычленил элементы, перенесенные из одного памятника в другой. В других местах предпринимались попытки атрибуции авторства и особенности работы соавторов или продолжателей над изначальным текстом.

Особой проблемой стало выявление библейских цитат, которые составители житий в обязательном порядке и в большом количестве включали в свои сочинения.

Помимо подробного комментария издание перевода сопровождается терминологическим словарем, словарем-указателем персоналий и указателем географических и этнических названий.

Издание «Памятников сербской средневековой историографии XIII–XVII вв.» является не только важным вкладом в изучении истории сербского народа в нашей стране, но и будет полезно всем специалистам, изучающим историю Балкан данного периода. А также следует понадеяться на скорый выход в свет второго тома этого археографического цикла.

Сведения об авторах и аннотации статей

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель». E-mail: ipo1972@mail.ru

Указатель сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы: постановка задачи и подходы

Статья, подготовленная в рамках проекта исследования следов устной традиции в ранне-средневековой славянской книжности, формулирует задачу создания Указателя сюжетов и мотивов устного происхождения в древнейших памятниках славяноязычной литературы. Определяются подходы к решению данной научной задачи, представляется список используемых в исследовании памятников, приводятся типовые статьи Указателя.

Ключевые слова: указатели сюжетов и мотивов, фольклор, устная традиция, средневековье, историописание, славяне, Древняя Русь, южные славяне, средневековая литература.

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель». E-mail: ipo1972@mail.ru

Плотникова Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, заместитель председателя Историко-просветительского общества «Радетель». E-mail: monomach@list.ru

Отражение эпоса и преданий в ранней славянской книжности: историографический обзор

Статья подготовлена в рамках проекта исследования следов устной традиции в ранне-средневековой славянской книжности. Рассматриваются общие историографические проблемы, дается очерк историографии, оценивается вклад историков и филологов в изучение элементов устной традиции в литературных памятниках средневековья.

Ключевые слова: эпос, предания, устная традиция, средневековье, историописание, славяне, Древняя Русь, южные славяне, средневековая литература, историография, филология, фольклористика.

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ. E-mail: kirillsol22@yandex.ru

Проект политической реформы А.А. Половцова

Статья посвящена проекту политической реформы, подготовленному А.А. Половцовым к 1876 г. Реформа предусматривала новый порядок законотворчества при сохранении внешней конструкции правительственной власти.

Ключевые слова: конституция, бюрократия, самодержавие, политические реформы

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук РАН, заместитель шеф-редактора журнала «Родина». E-mail: semenekstut54@gmail.com

Прирожденный дар разведчика...

Статья посвящена биографии и боевому пути танкового разведчика, Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Владимира Николаевича Подгорбунского.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, герои войны, разведка

Ручкин Александр Борисович — доктор исторических наук, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ». E-mail: arouchkin@yandex.ru

Создание антикоммунистического фронта русской эмиграции как проект американских спецслужб в начальный период холодной войны

В статье рассматривается создание антикоммунистического фронта, как коалиции эмигрантских общественных организаций, действовавших в странах Европы и в США в конце 1940-х начале 1950-х годов, собранной американскими спецслужбами для использования потенциала русской диаспоры в идеологической борьбе с СССР. Изучение такого исторического опыта остается сегодня крайне важным для понимания возможных форм и методов вовлечения эмиграции в информационно-политическую войну против оставленной Родины, извлечения уроков и подготовки рекомендаций для выработки современной политики по отношению к соотечественникам за рубежом.

Ключевые слова: США, русская эмиграция, русская иммиграция в США, общественные организации, холодная война, российско-американские отношения.

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель». E-mail: ipo1972@mail.ru

Н.М. Карамзин и Древняя Русь

Очерк вклада Н.М. Карамзина в изучение истории Древней Руси

Ключевые слова: Древняя Русь, историография, Н.М. Карамзин.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Союза писателей России. E-mail: volodih@mail.ru.

«Друг царей, верноподданный России»: Похвала гению Карамзина

Статья-эссе, посвященная историософии и духовным основам творчества Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: историография, историософия, Н.М. Карамзин.

Плотникова Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, заместитель председателя Историко-просветительского общества «Радетель». E-mail: monomach@list.ru

Елена Глинская: у кормила власти

Биографический очерк о великой княгине Елене Глинской.

Ключевые слова: история России, Московское государство, Елена Глинская.

Елисеев Глеб Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, председатель Ревизионной комиссии Историко-просветительского общества «Радетель», член Союза писателей России. E-mail: geliseev@mail.ru.

Комплексное издание главных источников сербской историографии XIII–XVII вв.

Рецензия на первое в отечественной практике научное издание памятников сербской средневековой историографии.

Ключевые слова: Жития королей и архиепископов сербских, средневековая Сербия, южные славяне, средневековая историография.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков. Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 12, Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться пристатейный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. При публикации материалов научных конференций допускаются варианты оформления научного аппарата, предусмотренные ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет по прошествии года с момента его печатной публикации, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: iporadetel@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович

Историко-просветительское общество «Радетель»

создано небольшим коллективом ученых-историков вокруг ежегодного научного альманаха «Историческое обозрение», издающегося с 2000 г. Все члены Общества давно и успешно занимаются издательской, научно-популяризаторской и научно-исследовательской деятельностью.

Основные проекты Общества:

Ежегодный альманах «Историческое обозрение». Выпущено к настоящему моменту 18 выпусков. Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). ISSN 2304-0793. e-mail: iporadetel@mail.ru Официальный сайт: <http://iporadetel.ru/Историческое-обозрение/> «Историческое обозрение» в РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=51649

Сайт Общества, основной темой которого является апологетика исторической науки, очищение исторического сознания от сознательных фальсификаций и дилетантских измышлений: <http://iporadetel.ru/>

Интернет-канал «Радетель-ТВ»: <https://www.youtube.com/channel/UCLB047xDbNwZDBnK4kpZ4JQ>

Информационный блог Общества: radetel-blog.livejournal.com

По всем вопросам просьба обращаться на электронную почту Общества: iporadetel@mail.ru